

© 2012 г.

В.А. Якобсон

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ БЮРОКРАТИИ

Статья в обобщенном виде рассматривает феномен бюрократии в связи с развитием институтов государственности и права в древности.

Ключевые слова: бюрократия, государство, законы, право, цивилизация.

Проблема бюрократии в древности до сих пор не привлекала особого внимания историков древности (кроме историков Китая), хотя существование бюрократии во всех, за немногими исключениями, древних обществах никогда не подвергалось сомнению. В иных случаях, однако, наличие ее даже подчеркивалось, но лишь тогда, когда речь шла о причиняемой бюрократией вреде (особенно часто в этой связи упоминается царство III династии Ура, существовавшее в Месопотамии во второй половине III тыс. до н.э.). Слабый интерес к истории бюрократии объясняется, по всей вероятности, тем, что в наше время это слово стало ругательным, поскольку во всем мире оно ассоциируется с бездеятельностью, прикрываемой симуляцией бурной деятельности, а также с неквалифицированностью и повальной коррупцией. Такое, конечно, встречалось и встречается во все времена, но в подавляющем большинстве древних обществ чиновник (а это наше слово было бы тогда синонимом слов «грамотей», «писец») был важным, влиятельным и уважаемым членом общества. Да и в наше время нормальное функционирование общества невозможно без квалифицированной, сознающей свою ответственность и добросовестной бюрократии, хотя очень может быть, что уже в недалеком будущем ее роль или во всяком случае наибольшую по объему часть этой роли возьмут на себя информационные системы. Тогда бюрократия будет вспоминаться почти исключительно в pejоративном смысле, и такое «понижение» испытали и теперь испытывают многие некогда весьма уважаемые слова и понятия. Генрих Гейне отмечал, например, что с течением времени сильно упала репутация слов: «Некогда слово “осел” было почетным званием – оно означало, примерно, “надворный советник”, “барон”, “доктор философии” – Иаков сравнивает с ним своего сына Иссахара, Гомер сравнивает с ним своего героя Аякса, а теперь с ним сравнивают господина фон...» (*Heinrich Heine. Ideen – Das Buch Le Grand. Kap. XIII*). В древности же роль бюрократии была чрезвычайно важной. Отнюдь не будет пре-

---

Якобсон Владимир Аронович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН.

увеличением сказать, что она и ее достижения сыграли, может быть, важнейшую роль в развитии человеческой культуры вообще, а в частности – и в переходе от первобытности к классовому обществу и государству, и в дальнейшем развитии общества и государства. Подробнее эту роль я попытаюсь осветить ниже, в соответствующих разделах предлагаемой работы. Но прежде всего будут рассмотрены общие вопросы, связанные с генезисом и ролью бюрократии на ранней стадии истории человечества.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И ГРАМОТЕИ

I

В последнее время большое внимание историков привлекают вопросы об «альтернативных» формах развития человеческого общества и об их сравнительной «эффективности», о том, является ли государство «неизбежным». Литература по этим проблемам уже весьма обширна, и обсуждать ее здесь вряд ли уместно. Достаточно упомянуть два коллективных труда, подготовленных группой российских и зарубежных исследователей¹. Обе книги (вторая из них превышает первую по объему в несколько раз) содержат множество оригинальных идей и весьма обширную библиографию. Они убедительно показывают множественность первоначальных путей к возникновению государственности. Хуже обстоит дело с альтернативами государству и аналогами государства. Приведенные в качестве возможных альтернатив вождество (неуклюжий термин, неудачная калька с английского *chiefdom*, но другого в русском языке пока нет; впрочем, некоторые авторы пишут просто «чифдом»), родоплеменная организация, союз племен и вольное горское общество как-то не убеждают. Все они должны скорее рассматриваться как архаические предшественники государства, далеко не всегда превращавшиеся в него. Сомнительна также и предполагаемая авторами аналогия между горскими вольными обществами и античным полисом.

Эти горские общества – весьма экзотические образования, возникшие и существовавшие в специфических природных и этнокультурных условиях, из которых обязательными являются отсутствие по соседству достаточно сильного государства и наличие четких и трудно проходимых естественных границ между территориями этих обществ. При невыполнении хотя бы одного из этих условий возникает обычное большое государство, норовящее в дальнейшем стать империей, вроде, например, Урарту, подчинившего себе почти все Армянское нагорье, или Мидийского царства в Западном Иране. Оба эти царства возникли при неизвестных обстоятельствах и неизвестно в точности когда из рыхлого конгломерата независимых поселений (видимо, населенных не только урартами и мидянами). При выполнении обоих условий становятся возможными сохранение разных языков в соседних аулах и, даже при поддержании добрососедских и союзнических отношений, очень стойкое сознание своей личности, отдельности, независимости: «Велик, богат аул Джемат, // он никому не платит дани. // Его стена – ручной булат, // его мечеть – на поле брани...» (М.Ю. Лермонтов, поэма «Хаджи Абрек»). Но еще за два с половиной тысячелетия до Лермонтова ассирийский царь Саргон II написал в знаменитом ныне «Письме к богу Ашшуру» (I, 66) о походе на Урарту, т.е. на Армянское нагорье: «А люди, обитающие в этих (горных. – В.Я.) поселениях, на

---

¹ Альтернативные пути 1995; The Early State 2004. Ср. также более раннее издание: Архаическое общество 1991. Обсуждение этого сборника см. Восток. 1993. 5, 185–209; 1995. 5, 211–220.

свою силу полагаются и не знают над собой владычества...». Такое самосознание сохраняется в ряде мест очень долго. Примерно такова по сей день обстановка в Дагестане, где можно встретить недалеко друг от друга несколько разноязычных аулов. «Недалеко» может означать иной раз «в пределах видимости», но на практике пройти туда напрямиком, как правило, невозможно, а обход препятствий может оказаться очень длинным, непростым и даже небезопасным. В каждом из этих аулов могут быть свой язык, свои сказки, иногда даже свой эпос. Свой этикет (особенно для женщин), поскольку там живут мусульмане, христиане и иудеи (таты), разные кулинарные привычки... Иначе говоря, в каждом – своя культура. И все это – при почти одинаковых жилищах и методах ведения хозяйства, ибо то и другое здесь определяется ландшафтом и древними обычаями.

В Западной Европе, с учетом всех исторических и культурных различий, примером такой ситуации может служить конфедеративная Швейцария, горная страна, где на совсем небольшой территории стойко сохраняются двадцать два суверенных кантона, две долго бывшие непримиримыми врагами ветви христианства (протестантизм и католичество) и четыре официальных языка (немецкий, французский, итальянский и ретороманский) наряду со значительным количеством постоянно живущих там иностранцев с их собственными языками – при соответствующих литературах и диалектах и при отсутствии постоянной армии. Но все это – при четком и твердом сознании единства, общей родины и общих ценностей.

В одном отношении сходство вышеупомянутого аула Джемат (неважно, придуманного Лермонтовым или реально существовавшего) с античной Спартой несомненно имеет место: знаменитый греческий полис не имел укреплений, оборонительной стены, ибо сооружение такой стены спартиаты полагали ниже своего достоинства и были уверены, что их боевой строй – самая надежная стена. Но тем не менее греки считали себя единым этносом, состоящим из суверенных полисов, имели общий пантеон, общие святилища (были членами Дельфийской амфикистии), проводили Олимпийские игры, во время которых соблюдали олимпийский мир и т.д. Одним словом, они обладали четким сознанием культурного и языкового единства и все вместе противопоставляли себя варварам (т.е. негрекам: первоначально это слово не было ругательным), что, впрочем, не мешало им вести между собой жестокие войны. Вопрос о том, являлся ли античный полис настоящим государством, до сих пор вызывает дискуссии. Автор этой работы принадлежит к числу тех, кто считает полис государством². Ведь и сами греки считали полис государством, как у других народов, только лучше³. Причина существующих недопониманий состоит, видимо, в очень распространенном ныне смешении формы *общественного устройства* с формой *государства* (современная Англия, например, представляет собой демократическое общество и монархическое государство), а также в отсутствии общепринятого определения государства.

---

² Мои взгляды на государство изложены в статье: Якобсон 1989, а также во вступительном и заключительном докладах на дискуссии «Проблемы истории государства и права на древнем Востоке» (материалы дискуссии опубликованы в журнале «Народы Азии и Африки». 1984. № 2, 88–110 и № 3, 62–87 и в нескольких более поздних работах: Якобсон 1997, 5–15; вводные главы к трудам История Востока 1997, 14–25 и История древнего Востока 2004, 34–56.

³ Обстоятельный анализ возникновения греческого полиса см. Фролов 1988. Идеологические и культурные перемены, связанные с возникновением полиса, проанализированы в книге: Зайцев 1985.

Что касается первого пункта, отметим, что, хотя и вольные горские общества, и полисы, и многие другие древние и средневековые общества являются, как правило, аристократическими или демократическими республиками, идеологические различия между ними очень велики. Именно эти различия сделали столь ожесточенными войны между Афинами и Спартой. Да и не все полисы были вполне республиками, в той же Спарте, например, имелись наследственные цари, хотя их роль была большей частью декоративной или ритуальной. И вообще не следует забывать, что все греческие полисы имели весьма различные внутренние устройства, и разных магистратов. Достаточно напомнить, что именно таковы были крупнейшие и важнейшие полисы Греции – Афины, Спарта, Коринф и Фивы. Но все полисы были, по крайней мере идеологически, общинами равных, добровольно подчинявшихся законам и правилам и не имевших над собой никакого начальства, кроме как на войне (да и военачальника по окончании войны можно было потребовать к ответу). Там имелась аристократия, но лишь как пережиток далекой древности, без каких-либо особых прав и привилегий (в Риме, как известно, граждане делились на сословия с разными политическими правами, вследствие чего политическая история Рима сильно отличалась от афинской, ср., например, борьбу между патрициями и плебеями).

Бюрократия в полисе действительно, в силу этих причин, почти не заметна, но она, разумеется, существовала, хотя и в скромных масштабах, а ее власть была очень ограниченной. Магистраты полиса имели, разумеется, секретарей, но эти обязанности исполняли, как правило, рабы или вольноотпущенники, т.е. неграждане, из них в основном состояла даже императорская администрация в Риме. А в Афинах полицейскими были наемники-скифы, дабы, опять-таки, не ставить одних граждан над другими. Уникальность полиса более подробно рассмотрена мною в работе «Государство как социальная организация...» (см. прим. 2). Там же сделана попытка дать определение государства. Отмечено, в частности, что государство есть такая форма общественного устройства, которая наилучшим образом отвечает задачам управления обществом, ставшим слишком большим и сложным для традиционных, основанных на обычае и моральном авторитете вождей способов управления, и имеет для этого аппарат, который состоит из специализированных учреждений, в свою очередь комплектуемых из специалистов. Ответ же на вопрос, неизбежно ли возникновение государства, дала сама история: все другие («альтернативные», «аналогичные» государству) формы общественного устройства не выдержали конкуренции и если и существуют еще кое-где, то лишь как своего рода или как самые настоящие резервации. История возникновения и торжества государства очень похожа на историю появления и торжества *Homo Sapiens Sapiens*: теперь уже ясно, что обе эти истории представляют собой не прямые дороги, но сложные переплетения маршрутов, почти все из которых, кроме одного, оказались в обоих случаях тупиковыми. Изучать их необходимо, но считать их «альтернативными» не следует, они не одинаково эффективны. И решающую роль в формировании государства сыграла бюрократия. Поэтому именно бюрократия, а не Людовик XIV, имеет, как ей не без основания кажется, право заявлять: государство – это я! Не следует только забывать, что она часто злоупотребляет этим правом и все более склонна действительно отождествлять себя с государством, из чего проистекало и, вероятно, еще проистечет множество бед.

Посмотрим же теперь, в чем именно состояли реальные заслуги бюрократии в древности. Для этого необходимо сначала выяснить причины возникновения бюрократии и законы ее развития, а также особенности этого развития в различных

цивилизациях. Мы все (особенно старшее поколение) сильно ушиблены убогой советской разновидностью марксизма, вследствие чего наши историки не любят «теоретизирования». А в последнее время в нашей стране обходятся и вообще без теорий, заменяя их языческим поклонением идолу «державности». Но наука без теории невозможна, история же, будучи одной из самых древних наук, есть, тем не менее, «наука, переживающая детство, – как все науки, чьим предметом является человеческий дух, этот запоздалый гость в области рационального познания. Или, лучше сказать: состарившаяся, прозябавшая в эмбриональной форме повествования, долго перегруженная вымыслами, еще дольше прикованная к событиям, наиболее непосредственно доступным, как серьезное аналитическое занятие, история еще совсем молода... В некоторых важных проблемах своего метода она пока еще только начинает что-то нащупывать»⁴. Я не очень люблю цитаты, потому что был перекормлен ими в молодости. Но эти слова знаменитого французского историка не привести не могу, поскольку они наилучшим образом выражают то, что я хотел сказать. А предлагаемая мною работа и есть попытка нащупать еще кое-что.

II

Прежде всего следует рассмотреть вопрос о функциях государства и о роли бюрократии в выполнении этих функций, а также и в появлении целого ряда новых и очень важных достижений культуры. При этом я намерен предложить на рассмотрение читателей свое понимание широко употребляемых терминов, имеющих у разных авторов существенно разное значение, хотя все эти авторы не затрудняют себя какими-либо определениями. Определение одного из таких терминов – «государство» – частично уже дано выше, а за ним последуют еще некоторые.

Согласно господствовавшей у нас еще недавно марксистской (а точнее упрощенно марксистской) точке зрения, государство представляет собой всего лишь механизм классового господства. Любовь к «простым и ясным» ответам на очень сложные вопросы сохранилась у нас и теперь, только место упрощенного марксизма, похоже, занимают сейчас (особенно у журналистов, не к ночи будь упомянуты) еще более простые теории Л. Гумилева⁵. В действительности же функции государства многочисленны и разнообразны, а главное – имеют существенно различное значение в разные времена и в разных государствах. Для нашей темы важно отметить, что усложнение хозяйства и общества ведет к разделению труда и появлению все новых профессий, в том числе и профессии управителя. Первоначально и затем в течение очень длительного времени (вплоть до второй половины XIX в.) представители этой профессии рекрутировались просто из образованных и одаренных от природы людей, и лишь затем возникла профессия менеджера, для которой необходимо учиться специально.

На древнем Востоке, т.е. в начале истории, управителями, как уже сказано, были грамотеи. И подобно тому, что рассказывается в архаических мифах о некоторых самых древних богах, они «породили себя сами». Главными достижениями первых цивилизаций являются изобретение письменности и организованного коллективного труда – два изобретения, составляющие основу этих и всех дальнейших

---

⁴ Блок 1986, 11. Оригинал этой книги был издан в 1949 г. во Франции, а написана она была в 1941 г. Но ситуация с тех пор почти не изменилась.

⁵ Это вовсе не преувеличение. Автор собственными глазами видел однажды на историческом(!) факультете Петербургского университета объявление о конференции «Учение(!) Л. Гумилева и современность».

цивилизаций⁶. Первоначальные цели изобретения письменности были в разных цивилизациях различными. Самой ранней письменностью следует, видимо, считать месопотамскую. От нее, скорее всего, происходит письменность древнеегипетская, или обе они происходят от некоего общего предка. Эти две письменности практически одинаковы по внутреннему устройству: обе они состоят из словесных или понятийных знаков (логограмм и идеограмм), фонетических (слоговых) знаков и детерминативов, указывающих на класс понятий, к которому принадлежит данное сочетание знаков. Других письменностей, столь же или почти столь же древних и устроенных таким же образом, не существует, кроме хеттской иероглифической, возникшей гораздо позднее и явно подражавшей двум названным выше (благодаря этому ее и удалось очень быстро расшифровать), да еще, может быть, не расшифрованных пока старозламской и древнеиндийской. Но клинопись и египетская иероглифика сильно различаются по форме, что объясняется, скорее всего, различием языков и материалов для письма, а также возникшими и развивавшимися в дальнейшем местными традициями (в частности, скорописью, превратившей конкретные рисуночные знаки в абстрактные и, разумеется, разные). Уже самые ранние дошедшие до нас образцы этих письменностей свидетельствуют о хорошей школьной выучке и очень похожи друг на друга. Иначе говоря, за ними стоят уже достаточно долгая традиция, поколения нещадно поротых школяров, канцелярия, пользовавшаяся, по всей вероятности, писчими материалами, которые не могли сохраниться. Возможно, это были кожа, ткань, дощечки, пальмовые листья и их черенки, восковые таблички, одним словом, нечто подверженное быстрому гниению.

Месопотамская письменность (клинопись) возникла для целей хозяйственного учета и контроля, т.е. для бухгалтерии. Египетская письменность, насколько возможно об этом судить, применялась первоначально для мемориальных повествовательных надписей, хотя, может быть, и для канцелярии тоже. Более поздняя китайская письменность (надписи на гадательных костях) была изобретена в качестве особого способа дивинации, обращения к оракулу. Назначение древнейших индийских надписей (Мохенджо-Даро и Хараппа) пока еще не ясно, поскольку эти надписи, как уже сказано, остаются не дешифрованными, но необходимо помнить, что все эти надписи – на печатях, т.е., скорее всего, тоже принадлежат к области бюрократии. Наконец, первая чисто фонетическая (западноевропейская) письменность, предок почти всех позднейших буквенных и слоговых алфавитов, была изобретена, как полагают исследователи, для купеческой переписки⁷, т.е. первоначально была чем-то вроде криптографии. Так или иначе, все первоначальные письменности были созданы для узкоспециальных целей, но их потенциальные возможности были очень скоро поняты и оценены грамотными людьми, и письменность стала универсальным способом фиксирования, накопления и распространения любой информации, в том числе и для целей управления. Идея письма и готовые системы письма поэтому легко заимствовались, а все позднейшие письменности создавались уже с учетом имеющегося опыта и для использования всех этих возможностей. В связи с этим можно даже предложить еще один способ периодизации истории – по способам накопления, сбережения, обработки и распространения информации: речь (ей, по всей вероятности, предшествовало демонстративное поведение, как у пчел и муравьев, а потом и у животных, но об

⁶ Подробнее об этом см. прим. 2.

⁷ Ср., однако, Циркин 2005, 249–256.

этом мы ничего не знаем), письменность, книгопечатание, информатика (с учетом, разумеется, того, что каждый следующий способ не только не отменяет предыдущие, но включает их в себя)⁸.

Благодаря изобретению письма человечество обрело бессмертную коллективную память с неограниченным объемом. Но письмо не только служило сохранению знаний и вообще культурных достижений (а также, разумеется, ошибок, заблуждений и предрассудков). Оно изменило сам характер мышления, вызвав экспоненциальный рост объема наличной информации, сделавший невозможным ее разумное использование и потребовавший, для начала, хотя бы ее систематизации⁹. Систематизированное знание – это и есть начало науки, и, следовательно, грамотеи-бюрократы были также создателями науки. Письменность предоставила возможность сделать и это, а благодаря систематизации – осознать в дальнейшем основные принципы и логику мышления, производить сложные математические выкладки, которые невозможно было бы выполнить «в уме», создавать совершенно новые произведения словесности – настоящую авторскую художественную литературу, хотя первоначально и без фиксации авторства и даже без представления о нем, и многое другое. Иначе говоря, грамотеи-бюрократы были также и первыми писателями – во всех смыслах этого слова. Художественная литература стала самостоятельной профессией лишь много веков спустя, а до тех пор была побочным занятием грамотеев. Необходимо заметить, что некоторые мудрецы древности порицали письменность за то, что она «подменяет мудрость знанием», и принципиально ею не пользовались. Интересно, что Сократ и Конфуций, бывшие почти современниками и жившие на противоположных краях тогдашнего цивилизованного мира, сознательно ничего не писали, заявляя, что они ничего не придумывают, а только передают, и потому их изречения и целые произведения известны лишь в пересказах их учеников и современников.

Но в истории, как и в физике, действуют своеобразные «законы сохранения», и потому за все приходится платить, выигрыш в одном неизбежно оплачивается потерями в другом, вот только выигрыш тут может быть больше или меньше потерь, т.е. исторические перемены не являются «играми с нулевой суммой». А это значит, что исторический прогресс все-таки существует, как, впрочем, и регресс. Письменность действительно понизила ценность некоторых умственных способностей (например, способности к механическому запоминанию, которая была вытеснена способностью к запоминанию логическому), подобно тому, как изобретения рычага и полиспаста в значительной степени обесценили богатырскую силу. Эту последнюю еще больше обесценило изобретение метательного, а затем огнестрельного оружия: «Господь сотворил людей разными, но полковник Кольт уравнил шансы» (реклама новоизобретенного револьвера). Но еще за многие тыся-

⁸ См. подробнее: Яковсон 2009, 148–154.

⁹ У Станислава Лема есть занятный рассказ о космическом разбойнике, грабившем межзвездных путников. Он был охоч не до золота и серебра, а до информации, ее он и отнимал. Разбойник был жестоко наказан двумя хитроумными путниками, которые подарили ему прибор, выдававший всю информацию, сколько ее есть во Вселенной. О том, что эта информация бессистемна, они коварно умолчали. До разбойника же слишком поздно дошло, что пользоваться этой информацией или хотя бы понимать ее невозможно, а на то, чтобы привести ее хоть в мало-мальский порядок, не хватит всего времени существования Вселенной. Лавина бессмысленной информации раздавила злодея. Как почти все смешные рассказы С. Лема, этот рассказ тоже оказывается, при ближайшем рассмотрении, не таким уж смешным...

чи лет до этого неведомый гений изобрел пращу, камнем из которой пастушок Давид сразил могучего Голиафа, продемонстрировав значение других, дотоле почти неизвестных или считавшихся второстепенными способностей – хладнокровия, глазомера, ловкости, быстроты, находчивости... Так же точно письменность, как и изобретения в области механики, а затем и в других областях техники и науки, потребовала и позволила обнаружить в человеке новые, доселе ему самому неизвестные способности, которые и дали ему возможность двигаться дальше.

Первые литературные произведения, как и все ранние достижения человеческого ума, были безымянными, хотя, разумеется, имели своих авторов. И эта безымянность, это отсутствие представления об авторстве были не случайны: любой культурно значимый текст (словесный, изобразительный, музыкальный и т.д.) представлял тогда собой своего рода послание от культуры к человеку, а поскольку самого понятия культуры еще не существовало, неизбежно воспринимался как послание от неких высших сил, даже если он был написан от первого лица. Поэтому, если автор и был известен (упомянут в тексте или в предании), он считался лишь посредником, передатчиком этого послания¹⁰. Исключение составляли только надписи правителей, они всегда были «подписаны», т.е. содержали имя и титул правителя, от имени которого был составлен текст. Это представление оказалось чрезвычайно прочным и сохранялось длительное время даже тогда, когда представление об индивидуальном авторстве уже прочно утвердилось. Поэтому даже Гораций в своем знаменитом «Памятнике» обосновывает свое право на бессмертную славу тем, что он «*princeps aeolium carmen ad italos // deduxisse modos*», т.е. «первым переложил эолийскую (т.е. греческую. – В.Я.) песнь на италийский лад». Библейские пророки тоже, как известно, говорили не от себя, а возвещали Слово Божие, и пророческий дар ниспосылался им обычно не за какие-либо заслуги, а просто так, ибо для библейских авторов любые человеческие заслуги – ничто перед величием и святостью Бога и его Слова¹¹.

В более поздние времена изменяются представления о личности и ее роли, поэты теперь уже говорят о себе, и соответственно Пушкин в своем «Памятнике» говорит об оригинальном творчестве как о личной заслуге, но достигнутой при помощи высших сил. Вот почему его «Пророк» начинается строками «Духовной жаждою томим, // в пустыне мрачной я влачился...»: пророк хочет возглашать истину, но ему необходимы полномочия и вдохновение¹². За этим он и ушел в пустыню, для этого и послан был ему шестикрылый серафим. Перед нами – послание человека к культуре, и возникает оно (в Европе) на исходе Средних веков. В дальнейшем, со второй половины XIX в., авторы все чаще обходятся без полномочий и даже без вдохновения, а послания их все чаще адресованы не культуре, т.е. не всему обществу, а более или менее обширной группе возможных или уже имеющих единомышленников. Отсюда огромное количество направлений, течений, школ

---

¹⁰ Первым из ныне известных нам по имени поэтов древности была дочь месопотамского царя Саргона Аккадского (конец XXIV – начало XXIII в.) Энхедуана, верховная жрица и пророчица Сина, бога Луны.

¹¹ Ср. Ам. 7, 14–15.

¹² Ныне почти все читатели А.С. Пушкина полагают, что пустыня – это бесплодное место. Еще сравнительно недавно все понимали, что пустыня – это *безлюдное*, некультурное место, где бродят дикие звери, непогребенные мертвецы и злые духи. Но там же можно встретить и доброе или по крайней мере благосклонное божество и получить от него благословение или даже откровение. Ср. Gen. 32, 24–32. Вспомним также, что старинное слово «пустынь» означает «монастырь», «скит».

и т.п., автор же начинает ощущать себя богом, по своему произволу созидающим и разрушающим миры. Но бог самодостаточен, особенно, разумеется, в тех культурах, где утвердился монотеизм. Отсюда и появление в европейской цивилизации (а теперь и в других) посланий самому себе – своего рода иероглифов, не понятных другим и не предназначенных для понимания, а только для сочувствия и попыток понять (абстрактная живопись, инсталляция, конкретная музыка, постмодернистская проза и т.п., где само слово «понять» приобретает иной смысл).

Дальше, как известно, последовали модернизм и постмодернизм. И можно полагать, что это было начало нового цикла или, вернее, нового витка спирали, на котором с человеком снова говорит культура, но теперь уже вся мировая культура. В своей нобелевской речи И. Бродский сказал, что творцом является не поэт, а язык, поэт же – только «орган» языка. Он сказал это не первым, первым, кажется, выразил эту мысль еще вождь французских символистов Малларме. Хотя язык не тождествен культуре, он лишь ее важная (если не важнейшая) составная часть, для поэта естественно их отождествлять. Мировая же культура есть в любом случае не только отбор, но и накопление. И накоплено в ней так много, что у читателя, слушателя или зрителя то и дело возникает ощущение *déjà vu* (*déjà lu, déjà entendu*). Быть оригинальным становится все труднее. Авторы реагируют на это либо раздражающим оригинальничанием, либо столь же раздражающей демонстрацией своей традиционности, либо, наконец, сознательным обыгрыванием этого самого *déjà*... Нынешняя мода на мифологичность, появление бесчисленных парафразов, пародий, стилизаций, «цитатность», центонность свидетельствует, видимо, именно об этом (я и сам тут грешен¹³). Так или иначе, обращение к мировой культуре становится уже не просто художественным приемом, но сознательно кладется в основу художественного и даже научного творчества. И началось это отнюдь не сегодня. Комментарии к «Улиссу» Д. Джойса, как уже давно отмечено, могут служить краткой энциклопедией мировой культуры. Можно составить довольно длинный список таких книг, но мне представляется несомненным, что культура вновь окликает нас, причем на сей раз – вся мировая культура.

Об истории, вероятно, следовало бы упомянуть еще раньше, чем о литературе, но и тогда я не избежал бы упреков. Ведь история, будучи наукой, является вместе с тем важной составной частью менталитета и даже основой самосознания не только отдельных лиц, но и целых народов и даже человечества в целом. Поэтому она неизбежно пребывает в центре внимания политики и политиков, а следовательно, и пропаганды. Неудивительно, что сохранять строгую объективность, основу любой науки, ей бывает очень трудно, а подчас и невозможно. Потому историки, работая с древними документами, всегда должны считаться с возможностью не только ошибок, но и прямых фальсификаций, причем отнюдь не всегда сознательных и злонамеренных. Начало письменной истории почти совпадает с началом самой письменности. Так, во всяком случае, обстоит дело в древней Месопотамии, где уже в Раннединастическом периоде возникают записи о деяниях правителей, компиляции хронологических записей, а позднее и плод систематизации (и фальсификации) имевшихся сведений – знаменитый Шумерский царский список, неизбежно упоминаемый ныне в любой работе, посвященной этому периоду. Еще позднее возникают так называемые Списки датировочных формул в Вавилонии. И все это, с учетом необходимых поправок и возможных ошибок, делает хроно-

---

¹³ См. Свое чужое 2007, 56–57. Это – своего рода упражнение в реинкарнации, полезное, по моему мнению, для переводчика древней поэзии.

логию Месопотамии основой хронологии всего Ближнего Востока. Заслуга здесь опять-таки принадлежит бюрократам.

Что же касается деятельности в области управления, то она, в соответствии с основными функциями государства, подразделялась на следующие подобласти: а) поддержание общественного порядка, включая судебную и законодательную деятельность; б) регулирование экономической жизни, включая перераспределение прибавочного продукта; в) военная функция. В реальной действительности все эти функции тесно переплетены и в той или иной степени перекрывают друг друга. Так, законы и суд играют очень важную роль в хозяйственной жизни, а война довольно скоро тоже становится в некотором смысле хозяйственной деятельностью (войны ведутся ради добычи, захвата рабов и получения даней). Военное дело тесно соприкасается также и с административной деятельностью (подсчет и распределение трофеев и даней, устройство присоединяемых в результате войны территорий и управление ими, а позднее – имперская администрация, в древности здесь почти всегда были задействованы военные). Соотношение этих функций у разных государств различно и зависит от конкретных географических, политических, культурных и экономических условий. Фактически же роль государства, если сформулировать ее в обобщенном виде, та же самая, что у родоплеменных и общинных структур, и состоит она в поддержании гомеостаза данного общества. Коренным образом отличаются лишь методы осуществления этой роли.

Возвращаясь к роли культурных условий (культурных контактов), необходимо отметить, что благодаря таким контактам государство может возникнуть раньше, чем оно возникло бы в силу одного только внутреннего развития данного общества. Государство очень рано начинает осознаваться как культурная ценность, и этой ценностью народы сознательно стараются обзавестись. Учет этого фактора позволяет понять многие особенности государств, быстрее возникших и оформившихся благодаря силе примера, и, в частности, объясняет, почему так трудно на практике провести четкое различие между государством и вождеством (например, в современных африканских государствах, но еще больше – в обществах ранней древности и даже во вновь возникающих государствах на протяжении всей древности). Он же позволяет понять причины непрочности ряда государств и природу жестоких этнических распрей, проистекающих из широко распространившегося в XX в. (но ошибочного) убеждения, что лишь собственная и самостоятельно созданная государственность делает народ суверенным и равным другим народам. Наконец, им же объясняются давно уже отжившие свой век, но все еще упорно возобновляемые споры между «норманнистами» и «антинорманнистами» в нашей стране.

Государства древности породили бюрократию и сами были созданы ею. То же самое можно сказать о письменности, о литературе и о науке. Поскольку же именно бюрократия так или иначе включала в свои ряды всех или почти всех образованных людей, общекультурную роль бюрократии в древности невозможно переоценить.

III

К числу важнейших достижений бюрократии относится изобретение и совершенствование законов. Архаические общества управляются, как уже говорилось выше, силой обычая и авторитета харизматических вождей, а все основные правила общежития (они могут быть довольно многочисленными, сложными и жесткими, а не «простыми и ясными», вопреки тому, что думают об этом современные

последователи Ж.-Ж. Руссо) известны всем и понимаются единообразно. С усложнением общества и появлением групп с различными (иногда противоположными) интересами и даже мировоззрениями единообразие, а с ним и единомыслие неизбежно нарушаются. Выход из такого положения был найден в создании законов – четкого и не допускающего никаких кривотолков (в идеале, разумеется) изложения основных норм поведения, издаваемых государством и им же снабженных принудительной силой. Государство создает законы, но оно же и создается или по крайней мере оформляется ими.

Законы – это, в некотором роде, автопортрет государства, но автопортрет очень сильно идеализированный, показывающий государство таким, каким оно хочет быть и каким оно было бы при всеобщем неукоснительном, точном и добросовестном исполнении законов. Наличие государства можно констатировать там, где имеются законы, и первые законы, независимо от их размеров и содержания, могут рассматриваться как своего рода конституция новорожденного государства. Законы тоже можно рассматривать в качестве своего рода изобретений, ставших затем культурными ценностями и в качестве таковых распространившихся по всему цивилизованному миру: уже очень рано почти повсеместно возникает представление о «благозаконии», противопоставляемом тем народам, которые «не знают законов». Создатели же первых законов нередко превращались в мифических культурных героев. Распространяется не только сама идея законов, но нередко и их формулировки (приспособленные, разумеется, к конкретным условиям данного общества), и отношение к ним общества. Поэтому в ряде случаев первые законы могут быть еще достаточно примитивными (например, древнеримские «Законы двенадцати таблиц»), но могут быть и весьма совершенными. Китайские законы¹⁴, например, совершенствовались очень быстро, они были впервые кодифицированы в эпоху Цинь и уже в Танскую эпоху достигли уровня самых крупных кодификаций¹⁵ и впоследствии стали образцом для законов Японии и государства тангутов. Проследить здесь влияние других законодательств пока, как будто, не удается. В других случаях оно более заметно, например в «Сасанидском судебнике»¹⁶, где некоторые места очень похожи на индийские дхармашастры. Берет ли это сходство свое начало из глубокой древности, сказать невозможно, поскольку свидетельства более ранних времен – юридические *наски* Авесты – не сохранились. Сходство вышеупомянутого «Судебника» с древнеиндийскими *дхармашастрами* было мною отмечено еще в 1984 г., но эта публикация не встретила с тех пор ни поддержки, ни критики.

В Древней Греции законодательству принадлежала важнейшая роль в оформлении полиса¹⁷. Существовало предание, что Солон, один из древнейших и самых знаменитых греческих законодателей, перед тем, как создать свои законы, путешествовал по свету, знакомясь с местными законами, и, в частности, посетил с этой целью Египет. Из самого Египта, впрочем, ранние законодательные тексты до нас не дошли, хотя предполагается (есть косвенные данные), что они существовали. Самые же первые известные нам законы (их наличие можно зафиксировать в древней Месопотамии, и подробнее о них будет рассказано в соответствующем разделе) создавались еще как бы ошупью, методом проб и ошибок. Но постепенно,

---

¹⁴ См. Кычанов 1986.

¹⁵ См. Рыбаков 1999–2008.

¹⁶ См. Периханян 1983.

¹⁷ См. Фролов 1988.

на протяжении всей древности бюрократией отрабатываются основные принципы права и законодательная техника, с помощью которых и появляются четко сформулированные и последовательно систематизированные законы и кодификации (последние могли быть также и частными). Появляется новая бюрократическая специализация – юристы, быстро занявшие во всех государствах весьма видное положение. В ряде случаев видные юристы, оставаясь частными лицами, получают от государства особые полномочия, именовавшиеся в Римской империи *jus respondendi*: они могли по запросу властей или даже частных лиц давать заключения по конкретным судебным делам или теоретическим правовым проблемам, и эти заключения имели обязательную силу для суда и для администрации. Этот метод создания и толкования правовых норм тоже быстро распространился и существует до сих пор в виде, например, *фетв* исламских улемов и раввинских *респонс*. Интересно, что, хотя суд намного старше, чем государство и право (он существовал, видимо, еще в первобытном обществе), в руки бюрократов он попал довольно поздно. Суд еще со времен первобытности был одной из тех прерогатив общины, за которую она держалась особенно упорно и которая перешла в руки государства лишь после долгой и упорной борьбы. Да и то не совсем и не навсегда: суд присяжных, получающий, несмотря на сопротивление бюрократии, все большее распространение, возрождает эту прерогативу общины (общества), в том числе и в нашей стране.

Этот краткий обзор основных направлений деятельности бюрократии в древности должен был бы стать введением к серии написанных специалистами очерков, посвященных конкретным культурам и эпохам, для чего, собственно, первоначально и создавался. Но пока это не получается, а одному человеку это не под силу (учебники по истории государства и права написаны, как правило, авторами, не имеющими прямого доступа к древним текстам, а ведь любой перевод с древнего мертвого языка, напомню, есть уже интерпретация). Следует еще раз подчеркнуть, что роль бюрократии в истории до сих пор еще не стала в отечественной науке предметом подробного исследования. Единственной (и очень хорошей) монографией, посвященной этой проблеме, совсем еще недавно была работа М.А. Дандамаева¹⁸. Но последователи у него появились только теперь, а пока что бюрократия привлекала лишь внимание журналистов. Хотелось бы надеяться, что эта проблема привлечет внимание историков и широкой публики и послужит началом дальнейших исследований.

IV

Слово «бюрократия» – греко-французский гибрид сравнительно недавнего происхождения, означающий «власть (государственных) учреждений» или, буквально, «власть канцелярского стола». Если следовать этой этимологии, начало бюрократии связано с началом письменности и, следовательно, с Ближним Востоком, где, как полагает большинство исследователей, и возникла первая в истории человечества настоящая письменность. О письменности в Месопотамии и о фазах ее развития подробно рассказано в недавно опубликованной во Франции книге¹⁹, хотя о бюрократии там рассказано очень мало. Книга содержит зато грандиозную библиографию, знакомство с которой, как обычно, навеивает на российского читателя грустную мысль: чего только у нас нет... И этой книги нет, и того журнала

¹⁸ См. Дандамаев 1983.

¹⁹ Charpin 2008. Русский перевод см. Шарпен 2009.

нет... Те перечисленные в ней работы, с которыми удалось познакомиться, показывают, что бюрократия намного старше, чем считалось до сих пор, и это нашло свое отражение в обобщающих работах последних лет²⁰. Теперь мы вынуждены признать, что начало бюрократии уходит в доисторические времена, т.е. в эпоху, когда еще не существовало ни государства, ни письменности, но общество было уже гораздо более сложным, чем мы полагали еще совсем недавно. В сложно устроенном, да еще и крайне зависимом от международной торговли обществе древней Месопотамии учет и контроль – основные функции бюрократии – вызывают бюрократию к жизни и способствуют ее усилению. Главным средством учета и контроля является, конечно же, письменность, поэтому учетчики и контролеры (еще не бюрократы в строгом смысле этого слова) ее и создают, не понимая, как и во многих других случаях, как повлияет на все будущие времена это их изобретение. Рассмотрим эти события, очень важные для будущего всего человечества, несколько более подробно.

Из Месопотамии же до нас дошли и самые древние писанные законы, уже много лет являющиеся предметом занятий ассириологов и историков права²¹. Эти законы составляют самый большой корпус законодательных памятников до древнекитайского и римского права. Они дошли до нас в разной степени сохранности, многократно переводились на современные языки и комментировались, но до сих пор остаются предметом жарких дискуссий. Литература, запечатлевшая эти дискуссии, огромна и продолжает расти²². Из самого названия указанной выше работы видно, что даже сущность этих текстов не ясна до сих пор. Были ли это настоящие кодексы законов или примитивные «судебники», или даже вообще не юридические справочники, а сообщения богам и потомкам о том, какими мудрыми были их составители? Ведь очевидны их неполнота, их казуистичность, отсутствие у авторов этих текстов умения давать четкие формулировки... Однако для правильного ответа на все эти вопросы и даже для правильного формулирования самих вопросов необходимо учесть, что мы имеем дело с дотеоретической стадией развития права и что месопотамские юристы и вообще месопотамские грамотеи не питали склонности к теоретизированию.

Первыми в истории человечества теоретиками права были римские юристы, читавшие Платона и Аристотеля, хорошо знакомые с формальной логикой и с формулированием абстрактных понятий. Но ведь они и жили на многие сотни лет позднее. Месопотамские юристы делали свою работу «ощупью», как и месопотамские математики, таким же способом, не доказывая никаких теорем, нашедшие алгоритм решения квадратного уравнения. Они не знали азбучных для нынешних юристов требований к тексту закона, а тем более – к тексту кодекса законов, таких, как исчерпывающая полнота, систематичность и логика изложения, четкие и непротиворечивые термины, четкое формулирование всех положений и многое другое. Они полагали, что многие вещи «сами собой разумеются» или уже установлены обычаем, они не умели формулировать абстрактные юридические понятия, такие, например, как правоспособность, дееспособность, собственность, владение и т.п., не умели систематизировать правовые нормы. Если учесть все это, приходится

---

²⁰ См. Якобсон 2004, 34–56. См. также Edzard 2004; Selz 2005.

²¹ Roth 1995.

²² Здесь достаточно будет назвать одну работу очень авторитетного исследователя, содержащую также обширную библиографию (более новые работы будут названы по мере надобности): Renger 1994, 27–59.

признать, что они, тем не менее, достигли грандиозных успехов, и очень жаль, что мы не знаем и, скорее всего, никогда не узнаем, как они это сделали и кто это сделал. Ясно только, что над такими текстами, как Законы Хаммурапи (XVIII в. до н.э.) и среднеассирийские законы (XIII в. до н.э.)²³, работали целые команды искусственных правоведов, обладавших притом своей собственной методикой систематизации (с нашей точки зрения – наивной, но по-своему последовательной) и собственными взглядами на те или иные правовые коллизии²⁴.

Дошедшие до нас тексты законов и своеобразных учебников по составлению юридических документов охватывают период времени от III династии Ура до Новоавилонского периода и позволяют воочию увидеть развитие законодательной техники. Месопотамские бюрократы показали здесь себя с самой лучшей стороны. Наиболее общеизвестным деянием Хаммурапи являются его знаменитые Законы, окончательный вариант которых появился уже в конце его царствования. Они были широко известны и популярны на протяжении всей истории древней Месопотамии, считались образцом законодательства, и поэтому их переписывали вплоть до времени Парфянского царства. До нас дошло несколько десятков более или менее полных списков этого текста, среди которых центральное место занимает хранящаяся ныне в Лувре диоритовая стела с текстом Законов и изображением Хаммурапи перед богом Солнца и правосудия Шамашем. Текст написан древним уже во времена Хаммурапи типом клинописи, чем и подчеркивается вечный смысл этих Законов, а хорошие писцы умели читать очень древние уже в те времена тексты и писать столь же древними знаками. Такие же стелы были установлены по приказу Хаммурапи во всех крупных городах Вавилонского царства.

Луврская стела была увезена в качестве трофея эламитами в столицу Элама Сузы несколько веков спустя, во время одного из их набегов на Вавилонию. Там ее и нашли более ста лет назад французские археологи, а вскоре состоялась и публикация текста. Хотя о существовании этих Законов было известно и раньше благодаря обнаруженным табличкам, содержащим отрывки Законов, теперь в распоряжении ученых оказался почти полный их текст. К сожалению, часть текста стелы была стесана эламитами, вероятно, чтобы сделать на этом месте победную надпись, но своего намерения они почему-то не выполнили. Утраченный кусок текста удалось частично восполнить благодаря вновь находимым табличкам с фрагментами Законов. Эта работа продолжается, но полностью восстановить текст пока не удалось. Продолжается и работа по изучению и интерпретации Законов Хаммурапи, идут дискуссии о назначении этого текста и даже о том, действительно ли это законы или что-то другое. Разногласия в значительной степени объясняются особенностями текста Законов Хаммурапи: отсутствием в них ряда, казалось бы, обязательных положений, непривычной для современного юриста структурой Законов, их казуистичностью, отсутствием четкой формулировки общих принципов и т.д. Тем не менее можно считать, что Законы Хаммурапи представляют собой свод реально действовавших законов. А все недоумения объясняются тем, что мы здесь имеем дело, как уже сказано выше, с дотеоретической стадией развития права, когда еще не сформулированы его общие принципы и основные понятия. Кажущаяся неполнота объясняется тем, что многие вопросы решались не по закону, а по обычаю, а казуистичность может быть вызвана неумением вавилонян формулировать

²³ Русские переводы см. Дьяконов 1952, 3, 197–303; 4, 205–320.

²⁴ Новые переводы этих текстов, выполненные автором данной статьи, а также его комментарии к ним публиковались неоднократно.

абстрактные понятия (впервые, как уже сказано выше, это было сделано философами и юристами античности).

Вместе с тем в Законах Хаммурапи обнаруживается четкая, хотя и совершенно отличная от принятой в наше время систематизация норм: они располагаются друг за другом по ассоциативному принципу. Текст Законов четко разделяется на три части. Первая из них – пролог, написанный нарочито архаическим языком и высоким стилем, напоминая скорее стихи. Здесь рассказывается о том, как великие боги во главе с Ану (отцом богов) и Эллилем (Энлилем, царем богов) вручили вавилонскому богу Мардуку «эллильство», т.е. верховную власть и навечно водворили для него царственность в Вавилоне (до этого царственность, как рассказывается в «Царском списке», время от времени перемещалась из одного города в другой). Затем они «назвали по имени», т.е. вызвали к жизни Хаммурапи, дабы он облагодетельствовал «черноголовых» (общее самоназвание шумеров и аккадцев). Далее перечисляются титулы, эпитеты и похвальные свойства Хаммурапи, облагодетельствованные им города и их боги-покровители, чью благосклонность он себе обеспечил заботой об их храмах. Перечень городов, куда попали все сколько-нибудь значительные в то время города Месопотамии, позволяет датировать окончательный текст Законов временем после завершения завоевательных войн Хаммурапи, т.е. последними годами его царствования. Хаммурапи при этом тщательно избегает каких-либо намеков на личную связь с каким-либо городом, кроме Вавилона, подчеркивая этим особое положение Вавилона и свое положение в качестве царя всей страны, царя Вавилонии, а не только Вавилона. В действительности, конечно, все это еще должно было устояться, должны были произойти соответствующие перемены в общественной психологии. До нас дошло письмо царя Мари, еще сохранявшего независимость, к Хаммурапи, только что завоевавшему Эшнунну: «Если граждане Эшнунны примут тебя, царствуй сам над ними, если не примут, поставь на царствование над ними одного из своих *мадарумов* (придворный чин. – В.Я.)»²⁵. Таким образом, по-прежнему существует, по крайней мере в еще не забытом древнем обычае, право горожан «принимать» или «не принимать» царя, и об этом праве города вспоминали еще не раз в дальнейшем, что причиняло царям серьезные неприятности.

После пролога следует текст собственно законов, в оригинале делящийся лишь на строки и столбцы (колонки), как это обычно для клинописных текстов. Первый их издатель и переводчик через тысячи лет разделил эту часть текста на 282 пронумерованных «параграфа», как это принято в современных законодательных текстах. Хотя это деление не всегда удачно и к тому же является неоправданной модернизацией древнего памятника, оно стало традиционным и удобно для ссылок на текст, подобно изданиям Библии, оригинал которой тоже не содержит нумерации строк. Следует также помнить, что древнее право не знало деления на гражданское, уголовное, процессуальное и т.д. Тем не менее современный исследователь вынужден, описывая древнее право, использовать современную терминологию, о которой древние не имели ни малейшего представления, и это создает известные трудности для переводчика и для комментатора. С учетом всего сказанного можно, как и было предложено мною²⁶, разделить текст собственно законов на следующие части: 1. Основные принципы отправления правосудия (§ 1–5); 2. Охрана собственности царя, храмов, общинников и царских людей (§ 6–25);

²⁵ Dossin 1972, 53–63.

²⁶ См. История древнего мира 1989, 99–108.

3. Охрана имущества, получаемого за службу (§ 26–41); 4. Операции с недвижимым имуществом и правонарушения в этой области (§ 42–88); 5. Торговые и другие коммерческие операции и правонарушения в этой области (§ 89–126); 6. Семейное право (§ 127–195); 7. Преступления против личности (§ 196–214); 8. Движимое имущество и личный наем, а также правонарушения в этой области (§ 215–282).

Далее следует эпилог, объясняющий цели законодателя: «Дабы сильный не притеснял слабого, дабы сироте и вдове была оказываема справедливость...». Затем говорится, что человек, имеющий судебную тяжбу, может прийти к Стеле законов, потребовать, чтобы ему прочитали их текст, и найти нужный ему закон. Завершается Эпилог благословениями тому будущему правителю, который будет свято соблюдать эти Законы, и проклятиями тому, кто от них отступит.

Из текста Законов видно, что вавилонское общество делится на три сословия: свободных полноправных общинников (*авилум*), царских людей (*мушкенум*) и рабов (*вардум*). Слово «авилум» означает «человек» и происходит от общесемитского корня со значением «родич», «свой». Оно может употребляться также в значении «человек вообще, человеческое существо» и в значении «порядочный» или «знатный человек». Такой разброс значений иногда затрудняет понимание того или иного текста. Слово «вардум» означает «низведенный» (Месопотамия лежала ниже окружающих ее стран), т.е. «чужак», захваченный в плен чужестранец. Так же, впрочем, назывались и долговые рабы-соплеменники. Слово «мушкенум» означает «падающий ниц», т.е. «бьющий челом», прибегающий к покровительству царя и соответственно состоящий на царской службе. Положение этих людей было весьма различным: высшие слои царских людей были одновременно и авилумами, общинниками, имели наследственные и пожалованные царем земли, а низшие имели только маленькие служебные наделы или только натуральные пайки и, сохраняя личную свободу, на практике мало чем отличались от рабов.

Таким образом, между гражданским полноправием и рабством существовали многочисленные переходные ступени. Жизнь, честь и личная неприкосновенность мушкенума оценивались законом «дешевле», чем жизнь и честь авилума, но зато имущество мушкенума охранялось более строго: ведь оно было имуществом царя. Ряды мушкенумов пополнялись за счет людей, по тем или иным причинам «выпавших» из общины, например, вынужденных из-за долгов продать свой надел общинной земли. Замечательно, что это слово, как полагают, через посредство арабского языка вошло, почти не изменившись, в итальянский и французский языки, где и пребывает по сей день в значении «мелочный» < «бедняк», «бедняга». Служебный надел был чаще всего неотчуждаемым (например, у воинов-*редум*), а в некоторых случаях его можно было продать, но покупатель должен был принять на себя связанные с этим наделом обязанности. Что же касается рабов, то их положение ухудшилось по сравнению с предыдущим тысячелетием, но и теперь рабы сохраняют некоторые остатки правоспособности. Раб дворца или мушкенума мог вступить в брак со свободной женщиной, и дети от этого брака считались свободными – вопреки древнему обычаю, согласно которому ребенок от смешанного брака наследовал худшее из состояний своих родителей. Своих детей от рабыни-наложницы господин мог признать своими законными детьми со всеми правами, но и в любом случае после смерти господина такие дети и их мать получали свободу. Раб, оскорбивший авилума (или просто «человека») или оспаривавший свое рабское состояние, подлежал не произвольной расправе, но наказанию по закону. Долговое рабство и заложничество было ограничено сроком в три года, и это пра-

вило реально действовало. Наконец, рабы тогда еще не носили, как правило, знаков рабства, их накладывали только на строптивых и склонных к побегу рабов.

Должничество и долговая кабала были большим социальным злом. Товарно-денежные отношения в старовавилонское время были уже развиты довольно сильно, однако наличные «деньги», т.е. медь, серебро и тем более золото, найти было нередко затруднительно и приходилось искать кредитора. Кредиторами чаще всего были купцы, торговые агенты государства (*тамкары*), которые были государственными служащими, но одновременно вели различного рода коммерческие дела на свои собственные средства и на средства компаньонов. В каждом крупном городе существовали объединения таких купцов, именовавшиеся *карум* (пристань). Это были органы купеческого самоуправления, имевшие большое влияние в городах, а одновременно и своего рода центральные конторы, ведавшие взаимными расчетами между купцами и осуществлявшие безналичные платежи и переводы денежных средств. Тамкары занимались также откупом налогов и ростовщичеством. Поэтому слово «тамкар» и стало нарицательным для обозначения заимодавца, кем бы он ни был в действительности. Займы могли выдаваться в рост или без роста. Законы Хаммурапи устанавливают предельный размер роста в одну треть для займов натурой и одну пятую для денежных займов, в обоих случаях – независимо от срока. Устанавливаются также и некоторые льготы для должников.

Судебный процесс в Вавилонии был устным и состязательным. Дело возбуждалось по требованию заинтересованной стороны, и каждая сторона должна была сама доказывать свои утверждения. Основными доказательствами были документы и свидетельские показания, а также клятва во имя бога или царя и, наконец, ордалия – испытание рекой (существовали и другие виды ордалий, но о них, как, впрочем, и об испытании рекой, мы ничего не знаем). Протоколы судебных процессов не велись, но некоторые важнейшие их этапы (например, принесение клятвы сторонами или свидетелями) могли фиксироваться письменно. Судьями были представители общины, а суд над царскими людьми осуществляли царские чиновники. В случае необходимости дело могли рассматривать и смешанные составы суда. Вынесенное судебное решение считалось окончательным и подлежало немедленному исполнению. Известны случаи наказания за сутяжничество. Царь, вопреки широко распространенному мнению, не был «верховным судьей», никогда не пересматривал судебные решения, а лишь следил за правильным и своевременным отправлением правосудия.

Древняя Месопотамия, т.е. территория между реками Тигр и Евфрат, более или менее соответствующая территории нынешнего государства Ирак, заселялась оседлыми земледельцами (особенно в южной ее части) сравнительно поздно, ибо являлась местом весьма неприветливым. Совершенно плоская (кроме северо-западной части) равнина, образованная речными наносами, была прорезана руслами двух великих рек, часто менявших свое течение и оставлявших ответвления или старицы. Весной эти реки разливались сокрушительными наводнениями, становившимися еще более страшными, если южный ветер нагонял воду из Персидского залива. Недаром самый старый и самый подробный миф о Потопе дошел до нас из Месопотамии. Реки эти не впадали тогда в Персидский залив единым руслом, как ныне, а имели отдельные устья. Сам же залив был тогда гораздо более обширным и простирался на север примерно на полторы-две сотни километров дальше, чем сейчас (за прошедшие тысячелетия его отодвинули к югу и соединили Тигр и Евфрат в общее русло речные наносы). Основная часть равнины была занята озерами, болотами, кустарниками и мелколесьем, а в северо-западной части – степью.

Все эти местности изобиловали москитами, разносившими болотную лихорадку, а также очень опасными животными – ядовитыми змеями, львами, леопардами, дикими быками. Так что первые поселенцы пришли сюда, как и в долины других великих рек субтропического и умеренного климата, скорее всего, не от хорошей жизни. Но земля в Месопотамии была исключительно плодородной при условии регулярного искусственного орошения, а на севере можно было обходиться даже и без него.

Эти две части Месопотамии (граница между ними проходит примерно по широте Багдада) историки часто называют Вавилонией (юг) и Ассирией (север), не смущаясь даже явной анахроничностью таких названий для периода старше II тыс. до н.э. Искусственное орошение в Месопотамии, в силу особенностей здешних рек и в отличие от Египта, требовало очень больших трудовых затрат, четкого планирования и постоянного надзора, малейший недосмотр мог погубить урожай на огромной площади, почему Законы Хаммурапи и предусматривают крайне суровые наказания за недостаточно тщательный уход за каналами, плотинами и водохранилищами. А сознательное их повреждение было делом почти немислимым и потому в этих законах даже не упоминается, как и умышленное убийство или черная магия: все эти преступления карались на основе обычая, и по поводу таких злодеяний существовало полное единство мнений, в Законах же говорится лишь о ложном обвинении в убийстве или колдовстве. Планирование ирригационных работ, а также надзор и уход за сооружениями и требовали соответствующей организации, т.е. некоего бюрократического аппарата.

Но была у Месопотамии еще одна очень важная особенность, тоже делавшая необходимым возникновение и развитие бюрократии. В отличие от всех других древнейших культур Месопотамия не имела на своей территории или поблизости от нее никаких полезных ископаемых, кроме глины и битума, ни металлов, ни строительного или поделочного камня, ни строительного или поделочного леса (в том числе дерева, пригодного для изготовления луков), ни даже достаточного количества дров, чтобы делать обожженные кирпичи в сколько-нибудь значительном количестве. Все это необходимо было импортировать, а такой масштабный импорт в индивидуальном порядке, разумеется, невозможен, он, по определению, должен быть централизованным (оптовым). А следовательно, централизованным (и оптовым) должен быть и экспорт, которым оплачивается этот импорт. Иными словами, необходимы были крупное товарное производство, поддерживаемое притоком продукции мелких производств, вывоз этих товаров и сбыт их в других странах, закупка товаров для импорта, ввоз их в Месопотамию и перераспределение их в различных слоях населения. Все это требовало разветвленной организации или множества взаимодействующих организаций и привлечения туда людей не только деловых и грамотных, но и отважных, ибо ремесло странствующего купца было тогда, вероятно, не менее опасным, чем ремесло воина. Поэтому не стоит удивляться превращению, например, Ашшура из города купцов в город грозных завоевателей, наводивших ужас на весь Ближний Восток. Именно такие люди и начали именно тогда создавать ту экономическую и культурную глобализацию, по поводу которой идут такие ожесточенные дискуссии сегодня.

Участники этих дискуссий (и те, которые «за», и те, которые «против») не всегда отдают себе отчет в том, что глобализация, т.е. развитие и оптимизация экономических и культурных взаимоотношений, есть столь же необходимый атрибут рода человеческого, как прямохождение, мышление, орудия, речь, письменность (со всеми приносимыми ими благами и бедствиями)... Ведь даже во времена палео-

лита и тем более неолита камень, пригодный для изготовления орудий (это были прежде всего кремень и обсидиан, т.е. вулканические и горные породы), имелся далеко не везде и не имелся именно там, где первобытному человеку было всего удобнее жить, охотиться и собирать съедобные растения. Так что для его приобретения необходима была торговля (обмен). Медь (самородная или в виде достаточно богатой руды) встречается куда реже, чем такие камни, а пригодные для тогдашних примитивных методов разработки месторождения олова, без которого невозможно изготовление бронзы, на Земле можно сосчитать по пальцам одной руки, почему уже в ранней древности торговые пути этих металлов простирались на огромные расстояния по суше и по морю. Не надо только представлять себе караваны, отправлявшиеся за тысячи километров: у них не было бы никаких шансов дойти до цели и еще меньше шансов вернуться живыми с товарами. Торговля была посреднической, товары проходили через множество рук, и дороги купцов были соответственно гораздо более короткими, но все равно очень опасными. Наконец, необходимо напомнить, что усложняющееся общество, точнее его верхушка, нуждались, помимо абсолютно незаменимых металлов и рядовых товаров, также и в престижных товарах для личного потребления и для отправления религиозных культов, а золото и серебро, будучи носителями престижа, являлись также и универсальным средством обмена, т.е. мировыми деньгами (еще одно важнейшее изобретение, видимо, все тех же грамотеев!).

Посредством международной торговли в Месопотамию поступали золото и сердолик из Индии, олово и лазурит из Афганистана, древесина из Ирана и, позднее, из Сирии и Ливана, серебро, свинец и, возможно, метеоритное железо из Малой Азии, медь из Омана и, позднее, с Кипра транзитом через Финикию. Все эти товары проходили через множество посредников, но и сами месопотамские купцы совершали довольно далекие путешествия – вряд ли, впрочем, в Афганистан или тем более в Индию, во всяком случае не по суше (однако шумерские эпические поэмы упоминают о взаимосвязях с Араттой – таинственным городом, который, как полагают исследователи, реально существовал где-то на крайнем юго-востоке Ирана или даже на крайнем северо-западе Индии²⁷). Необходимо также отметить, что наряду с торговлей существенное количество товаров обменивалось в качестве дипломатических даров. Тот вызывающий недоумение факт, что Египет упоминается в клинописных источниках лишь с XIV в. до н.э., объясняется, скорее всего, тем, что Египет долгое время почти не вел внешней торговли и почти не расширял свою территорию, имея практически все нужное на своей территории или рядом с ней, правда, кроме олова и серебра. Вероятно, именно поэтому Египет вступил в бронзовый век намного позже других ближневосточных культур. Но, надо заметить, Египет появляется в вышеупомянутых источниках не как новость, а как нечто вполне известное и привычное. А шумерские купцы, которые были служащими правителя или храма, делились на сухопутных (они назывались *dam-gàr*, это шумерское слово было заимствованием из аккадского языка и означало «торговец» или скорее «негоциант»), а в аккадском также «заимодавец», «кредитор») и купцов-мореплавателей (*ga-eš*, этимология этого слова неизвестна, оно, в свою очередь, было заимствовано из шумерского в аккадский). Состоя на службе и отчитываясь

---

²⁷ Недавно, впрочем, появилась книга (Mittelmayer 2009), где весьма убедительно доказывается, что Аратта – это столица соседнего Элама Суза. Мне и самому всегда казалось, что путешествие каравана или даже военного отряда через весь Иран и благополучное его возвращение в середине III тыс. до н.э. – дело очень мало вероятное.

перед правителем и храмом, т.е. принадлежа к бюрократии, они, тем не менее, вели свои дела на свой страх и риск²⁸.

Но так обстояло дело в Раннединастический период, от которого до нас дошли письменные документы. Для более раннего периода (Урук IV), где мы можем опираться лишь на археологию, были недавно обнаружены удивительные находки, определенно принадлежащие к месопотамской культуре, но расположенные в Иране, Сирии, Финикии, Малой Азии и даже Нильской дельте поселения, которые ныне считаются торговыми колониями Месопотамии (или непосредственно Урука)²⁹. Иногда говорят даже о доисторической «империи Урука». Так или иначе, создание столь многочисленных и нередко довольно значительных по размерам поселений так далеко от «метрополии» несомненно говорит о высоком уровне организации и, следовательно, о существовании бюрократии. О том же самом свидетельствует повсеместное и практически одновременное их исчезновение: большая часть из них была покинута населением, и лишь немногие носят следы нападения извне. Иначе говоря, похоже, имела место одновременная «эвакуация» по приказу из некоего центра. При этом не существует никаких археологических данных из собственно Месопотамии, которые позволяли бы думать о каком-то внутреннем кризисе, приведшем к свертыванию внешней торговли. Остается, следовательно, предполагать, что произошли какие-то крупные изменения в направлениях торговых путей или в организации торговли³⁰, например, переход от прямых контактов к посреднической торговле. Нам же необходимо еще раз подчеркнуть: все это вместе взятое свидетельствует о существовании сложно организованного общества и бюрократии (аппарата управления) до изобретения письма. Но вместе с тем мы имеем возможность проследить само возникновение письма, причины его возникновения и этапы его развития.

Главной причиной этого феномена была в Месопотамии очень рано возникшая необходимость организованного перераспределения производимых и импортируемых продуктов и сырья и проистекающая отсюда потребность в учете и контроле, а также в создании средств для предотвращения возможных (уже тогда) злоупотреблений. Единственным таким средством была фиксация тем или иным надежным и не допускающим несанкционированных «поправок» способом количества, качества и наименований учитываемых ценностей, а также и имен лиц, ответственных за те или иные конкретные трансакции. Решением второй из этих задач явилось изобретение личных печатей сначала в виде каменных штемпелей, а затем в виде каменных же цилиндров, на боковой поверхности которых вырезались углубленные зеркальные изображения (иногда целые сцены) и символы, а позднее и письменные знаки, в том числе имя и титул обладателя этой печати. Прокатывая такой цилиндр по сырой глине или размягченному воску, получали выпуклое изображение в нормальном ракурсе³¹. Такую цилиндрическую печать просверлива-

---

²⁸ Подробно все это рассмотрено в еще не опубликованной магистерской работе Р. Орешко, выполненной в 2006 г. на кафедре истории древнего Востока Восточного ф-та СПб ГУ.

²⁹ Подробнее об этом см. Nissen 1995, 473–490. Статья содержит также обширную библиографию.

³⁰ Подробнее см. Algaze 1903.

³¹ Интересно, что на египетских печатях вырезались не имена их обладателей, а названия их учреждений, чем и подчеркивалось, что это – именно государственная, а не личная печать. Это, в свою очередь, говорит о более важной роли государства в Египте. См. Богданов 2009, 18–45 (с обширной библиографией). И.В. Богданову я сердечно благодарен также за консультации.

ли вдоль оси цилиндра и пропускали через отверстие шнурок, чтобы должностное лицо могло носить свою печать на шее как знак своей должности, как «факсимиле» своей «подписи», как украшение и, вероятно, как амулет. А иной раз даже и как оружие: увесистый камень на прочном шнурке можно было, в случае надобности, использовать как кистень. Именно так, по преданию, был убит своими вельможами один из царей Аккада (III тыс. до н.э.). Размеры, качество работы мастера-резчика и ценность материала такой печати тоже были своего рода знаками различия, а менее важные лица пользовались «ширпотребом» – небольшими, простенькими печатями из дешевого, мягкого камня. Материалом же, на котором фиксировалась отчетная информация, было единственное имевшееся в Месопотамии в изобилии полезное ископаемое – глина. Этот материал был очень дешевым и не боялся ни огня, ни гниения, чем и объясняется огромное и непрерывно растущее вследствие легальных и, к сожалению, нелегальных раскопок количество дошедших до нас клинописных текстов. Впрочем, по мнению некоторых исследователей, возможно, что все это возникло первоначально в Эламе, т.е. в Юго-Западном Иране, в стране, принадлежавшей к тому же самому культурному кругу. Не исключено, что вопрос о приоритете будет еще пересматриваться на основе новых археологических находок, но в реальной действительности он не имел никакого практического значения, поскольку первоначально этот способ хранения информации, как уже указано выше, никак или почти никак не зависел от конкретного языка и очень скоро стал применяться на Ближнем Востоке повсеместно³², а впоследствии даже и в Египте. Здесь клинописная писцовая школа существовала в амарнскую эпоху при Ведомстве иностранных дел.

В самом кратком описании первые памятники бухгалтерского учета представляли собой сделанные из глины или иногда из мягкого камня схематические изображения или символы предметов учета – крупного и мелкого скота (одну голову или, символически, некоторое определенное число голов скота), сосудов или иных вместительных (керамических изделий, бурдюков или корзин определенного типа и объема, содержащих установленное количество определенного жидкого или сыпучего продукта). Иначе говоря, это были, в некотором смысле, именованные числа, только обозначавшие не объем сосуда, а его содержимое и количество этого содержимого (объем, а не вес, даже если речь шла о зерне). В современной науке эти изображения и символы называются «жетонами» (tokens). Жетоны, относящиеся к одной хозяйственной операции, помещали внутрь глиняного шара («буллы»), а для сохранности содержимого на поверхности буллы прокатывали цилиндрические печати всех контрагентов данной операции или только главного ответственного лица. Печати применялись также для опечатывания складских помещений, сосудов и плетеных корзин. Понятно, что пересчитать содержащиеся в булле жетоны без разрушения самой буллы и оттисков печатей на ней было невозможно, поэтому реальный пересчет производился лишь в особых случаях (при ревизии?), а для текущего учета на поверхности буллы рисовали, вернее, процарапывали на сырой глине изображения жетонов в соответствующем количестве; позднее были изобретены абстрактные знаки для цифр. Этими цифрами записывали необходимые числа, пользуясь позиционной десяти-шестидесятеричной системой, но еще без нуля. Такая позиционная система записи чисел долгое время оставалась единственной в своем роде и наиболее совершенной до появления новой десятиричной

³² Подробно об этом см. Englund 1998, 15–236.

системы (тоже без нуля), которую превзошли только индусы, придумав нуль тысячелетия спустя. Превращение символических рисунков в настоящую письменность заняло еще много времени. Видимо, было замечено, что рисунки на поверхности буллы делают жетоны излишними, а если обходиться одними рисунками, то удобнее наносить их на плоскую поверхность. Так появилась табличка. И рисунок оказалось гораздо удобнее и быстрее не процарапывать на глине, а составлять его из штрихов, получающихся при нажиме ребром наклонной трехгранной палочки на поверхность таблички. Эти вдавленные штрихи имели форму клинышков разной длины и ориентации, а различные комбинации из таких клинышков заменили рисунки. С течением времени эти комбинации становились все более простыми и абстрактными, не имеющими, в конце концов, ничего общего с изображением. Детали этого процесса остаются до сих пор предметом споров, но исследовательница, изложившая первоначальную общую схему, вокруг которой и идут споры, конечно заслуживает признательности³³.

Применительно к нашей конкретной теме нас больше всего интересует внутренняя история этой письменности. Многое здесь более или менее ясно. На первых порах, как уже сказано выше, это нарождающееся письмо почти никак не зависело от реального языка. Но, например, если возникла надобность указывать в документе имена и должности, а также удостоверяемые этим документом действия, т.е. записать глагол в соответствии с видом, временем, лицом и числом и вообще правильно указать подлежащие (род, число, падеж) и сказуемые, а также и прочие члены предложения и части речи, то задача, на первый взгляд, является для большинства языков неразрешимой. Не поможет даже сильное увеличение количества используемых знаков: необходимые для этого суффиксы и префиксы, а впоследствии также инфиксы изобразить символически невозможно (понятно, что все это не относится к так называемым аналитическим языкам, например к китайскому). Гениальным выходом из положения было использование «ребусного принципа». В шумерском языке очень много односложных слов-омонимов, которые, весьма вероятно, различались по тональности, как в китайском языке. Первоначальные знаки могли придумать и носители какого-либо другого языка, но «ребусный принцип» можно с успехом применять только в шумерском. Иначе говоря, можно понимать знак не как слово, а как абстрактный комплекс фонем, обозначающий любое слово, более или менее созвучное тому, которое этот знак первоначально изображал (т.е. любой омоним), или как часть слова – слог либо сходно звучащий грамматический формант (суффикс или как префикс). Таким же способом можно, в принципе, написать любое слово, имеющее более одного слога или обозначающее абстрактное понятие, которое невозможно или очень трудно изобразить графически.

Для большей ясности была также придумана система детерминативов – знаков, определяющих класс понятий, к которому относится отмеченное детерминативом слово (детерминативы пишутся перед определяемым словом или – реже – после него). Все это дало возможность приспособить клинопись к другим языкам, для которых клинописные знаки используются в основном как слоговые и значительно реже – как смысловые или словесные (идеограммы). Клинописью писали, кроме шумерского, на аккадском (он стал также своего рода международным дипломатическим, а может быть, и не только дипломатическим языком в Передней Азии), урартском, хаттском (протохеттском), хеттском, хурритском, эблаитском и элам-

³³ См. Schmandt-Besserat 1992.

ском языках. Почти все эти языки, за исключением аккадского и эблаитского, а также хурритского и урартского, не родственны между собой, т.е. принадлежат к разным языковым семьям. Фонетические различия этих языков создавали, конечно, затруднения, но зато и увеличивали возможности «ребусного» использования знаков клинописи в качестве слоговых. В конечном счете возникла система клинописи из примерно шести сотен знаков, каждый из которых имел до десятка (а нередко и более) словесных (идеографических) и слоговых (фонетических) значений. Если учесть, что до изобретения словоразделов древние так и не додумались и что читать такие тексты методом простого перебора всех возможных значений каждого знака и всех их возможных сочетаний означало бы безнадежно застрять на первых же знаках (два таких знака могут теоретически вместе позволять сотню или больше прочтений), то нельзя не восхититься работой древних писцов (т.е. бюрократов) над орфографическими принципами и правилами, которые и делают чтение и однозначное понимание клинописи возможным. Правила и принципы эти, равно как и стилистика, неукоснительно соблюдались на огромных территориях Ближнего Востока практически повсеместно и почти до самого конца клинописной культуры (в качестве отрицательного примера можно привести разве что захоластную хурритоязычную Аррапху, откуда до нас дошли тексты на очень плохом аккадском языке, естественно, очень трудные для понимания). А если правила и менялись, то практически одновременно повсюду, где бытовал данный язык. Таким образом, приходится признать, что были (где?) некие «центры писцовой премудрости», пользовавшиеся непререкаемым авторитетом без всякой политической власти, и повсеместно существовали школы (даже в самых ранних клинописных памятниках, как уже сказано выше, отчетливо заметны далекая зашедшая стандартизация и жесткая выучка), а также некая солидарность образованных людей, их общая идеология, общий письменный этикет (правописание, стилистика и тематика) и общий фольклор, так сказать, для внутреннего употребления. Например, увещания, адресованные нерадивым школярам в Египте и в Шумере, нередко совпадают почти дословно, однако не имеют аналогов за пределами Ближнего Востока. К сожалению, мы почти ничего не знаем о том, как все это реально жило и функционировало. Как и по другим отраслям знания, не существовали или до нас не дошли никакие теоретические трактаты по грамматике, стилистике и правописанию, одни только практические пособия, но кто-то же их составлял и распространял... Авторы этих пособий нам неизвестны, как неизвестны и города, где они жили и работали, но сами пособия копировались и дополнялись затем на протяжении тысячелетий и дошли до нас от всех периодов истории древней Месопотамии. Они предназначались для нужд школьного обучения, и самые ранние из них представляли собой списки слов и образцы правильного написания этих слов, а также стилистические образцы (например, письмовники). Сами слова относились к различным предметам, явлениям и понятиям, например: Списки чинов, должностей и профессий; Список металлов; Список разновидностей дерева; Список видов скота; Список видов рыб; Список птиц; Список растений; Список сосудов; Список географических названий и т.п., включая Список богов и Список храмов. Принципы составления этих Списков не всегда понятны, и, по мнению Г. Зельца³⁴, совокупность Списков выражает собой древнейшие представления о миропорядке и, тем самым, важнейшие стороны культуры.

---

³⁴ Selz 2005, 27.

К этим текстам примыкают школьные таблички – упражнения в копировании прописей и письме под диктовку. Они показывают также, что уже имелись представления о каллиграфии: письмо должно быть не только понятным, но и красивым. Дошедшие до нас в довольно значительном количестве деловые документы позволяют заключить, что уже складываются стандартные формуляры различных видов документов, что уже существуют сложные системы стандартных мер и весов (пока еще различные в разных общинах и государствах) и способы датировки документов, например, по годам правления местного правителя, по важнейшему событию года или по имени чиновника-эпонима, чему способствует существование довольно сложного солнечно-лунного календаря с применением «високосных» месяцев для компенсации неизбежно возникающего расхождения с реальностью, и все перечисленное – тоже достижения бюрократии. Разумеется, такой календарь тоже изобрели грамотеи.

Что же касается Списка чинов и должностей, то он зафиксировал самоназвания, которыми бюрократы обозначают сами себя. Список этот длинен и разнообразен, все предлагаемые в наше время переводы этих названий более или менее условны. Но о них можно сказать следующее: 1. Семантика этих титулов (в тех случаях, когда она понятна) сводится чаще всего к значениям типа «смотритель», «надзиратель», «надсмотрщик», «инспектор», но иногда и просто «начальник»; 2. В составных (т.е. состоящих из нескольких знаков) идеограммах, обозначающих эти слова, часто содержится знак с семантикой «палка» и «бить». Этот знак – его фонетическое (слоговое) значение «па» – содержится даже и в титуле правителя города-государства *энси*, почему его и читали раньше как *патеси*. Ранговые значения всех этих титулов (кроме нескольких самых высоких) установить пока (а скорее всего, и вообще) не представляется возможным. По этой причине невозможно также определить *cursus honorum* или, попросту говоря, карьеру того или иного конкретного лица, тем более, что один и тот же человек мог иметь несколько должностей и соответственно титулов.

Но есть титул, не содержащий вышеуказанных семантик и графических компонентов, собственно, даже не титул, а функция, как полагают многие исследователи, и он представляется несколько загадочным. Это – шумерское *maškim*, этимология его непонятна, аккадское соответствие – *gābišu* со значениями, судя по контекстам, «помощник», «заместитель», «представитель», «наблюдатель» и даже «адвокат» (на английский его обычно переводят термином с очень расплывчатым значением: *the commissioner*). Встречается он в разные времена и в самых разнообразных контекстах, и в чем именно состоит его функция, пока непонятно. Но похоже, что функция этого человека в ряде случаев состоит в удостоверении тех или иных фактов, т.е. сильно напоминает роль нотариуса или по меньшей мере заслуживающего особого доверия свидетеля (т.е. опять-таки семантически связана с глаголом «смотреть», хотя из известных значений соответствующего аккадского корня сюда подходит только значение «подстергать»). Не случайно этим же словом обозначается некая разновидность злых демонов, но так же называют и неких демонов-покровителей. В чем именно состоит злоторная или благотворная деятельность этих демонов, неясно, но можно предположить, что речь идет о демоне-свидетеле или скорее *соглядатае*. Интересно и загадочно также слово, стоящее в начале Списка – *pám-éšda*. Предположительно оно переводится как «king(ship)», но встречается лишь в самых ранних текстах и лишь однажды – в тексте, относящемся ко II тыс.

до н.э.³⁵ Возможны и другие прочтения, но убедительная этимология не получается. Может быть, за этими знаками скрывается титул вождя, место которого занимают впоследствии *энси* и *лугаль*. Но важнее всего тот факт, что список различного рода администраторов существует еще до того, как возникает государство. Он и создан был для этих администраторов как пособие для составления документов и, разумеется, для нужд школы.

Как уже было сказано в начале данной статьи, возникновение бюрократии – неизбежный и необходимый феномен общества, превращающегося в государство и уже ставшего государством. В истории, как и в физике (и это тоже было отмечено), выигрыш в одном означает неизбежную потерю в другом, и все дело в том, каково соотношение выигрыша и потери. В истории, однако, бюрократия вынуждена бороться сама с собой, чтобы если не устранить, то хотя бы минимизировать потери. И делать это она может только бюрократическими средствами и методами.

V

Два главных зла, приносимых бюрократией, это, во-первых, ее непомерный рост, вызывающий рост общественных расходов на ее содержание, а во-вторых, засилье бюрократии и связанные с этим злоупотребления. Документы Раннединастического периода Шумера содержат интересные сведения обо всем вышперечисленном, дошедшие до нас из крупного номового государства на крайнем юго-востоке Месопотамии – Лагаша (необходимо иметь в виду, что другие номовые государства этого периода месопотамской истории могли быть и, скорее всего, были устроены иначе, хотя это обстоятельство часто оставляют без внимания). Последним раннединастическим правителем этого государства был некто Уруинимгина (другие возможные чтения этого имени – Урукагина, Ирикагина и Иринимгина)³⁶. Этот человек, похоже, не принадлежал к правящей династии и пришел к власти вопреки уже сложившемуся обычаю наследования власти по отцовской линии, воспользовавшись древним обычаем избрания правителя народным собранием. На следующий год он провел в Лагаше реформы, о которых и рассказал в своих надписях³⁷. Важно подчеркнуть, что подобные реформы проводились и раньше (например, Энметеной), но сведения о них очень скудны. Однако из этого как раз и следует, что предыдущие реформы были неэффективны. Как показала дальнейшая история Месопотамии, и все последующие реформы этого рода тоже оказались неэффективными, однако имели очень важные последствия.

По своей форме текст «Реформ Уруинимгины» в значительной степени повторяет строительные надписи, но по содержанию сильно от них отличается. Уруинимгина сообщает, что, следуя повелению верховного бога своего нома Нингирсу, он принял меры к устранению злоупотреблений и вообще к тому, чтобы богатый не притеснял бедного, а сильный – слабого, и чтобы сирота и вдова не были отданы во власть важных персон. Этот лейтмотив защиты слабых от сильных повторяется затем в различных вариантах на протяжении многих веков и получает дальнейшее развитие в египетских текстах и в речах библейских пророков. Шумерские тексты этого времени очень трудны для понимания, но текст «Реформ» принадлежит к числу самых трудных. Поэтому перечень злоупотреблений и принятых контрмер не полностью понятен. Но можно с уверенностью утверждать, что почти все пе-

³⁵ См. Wilcke 2007, 19.

³⁶ Основные издания текстов из раннединастического Лагаша: Bauer 1972; Steible 1982.

³⁷ Steible 1982, 266–324.

речисленные злоупотребления исходят от властей (в том числе высших) и от чиновников всех рангов. Предшествующие правители присоединили к своим хозяйствам хозяйства богов (т.е. храмов): поля, рабочий скот и инвентарь. Чиновники же (очевидно, подражая правителю) распоряжаются вверенным им имуществом как своим собственным. Кроме того, они превышают свои полномочия, безмерно увеличивают обычные поборы, в том числе расходы на погребение³⁸, взимая их деньгами, а не натурой (что создает большие трудности для небогатых людей) и принуждают своих подчиненных уступать начальству свое имущество за бесценок. Особо упоминаются бесчинства *машкимов* (см. выше), а также нарушения некоторых моральных норм(?) и преступления: двоемужество(?)³⁹, воровство, побои, заточение в тюрьму (произвольное?) и т.п.

Все эти злоупотребления Урунимгина отменяет, восстанавливая, таким образом, прежний, правильный порядок. Поэтому, хотя в современной науке рассматриваемый текст носит название «Реформы Урунимгины», речь в нем идет о реставрации старых порядков. Родоплеменной строй еще живет в сознании и даже в подсознании рядовых общинников, бюрократии и самого правителя и проявляется в виде попыток возвращения «прежних справедливых порядков». Это можно увидеть и в других обществах, принадлежащих к совсем иным культурам, например, в истории братьев Гракхов в Древнем Риме. Их тоже называют в учебниках реформаторами, чуть ли не революционерами, но в действительности и они были реставраторами. И, как все реставраторы, потерпели неудачу. Подобного рода акты, хотя и не столь всеобъемлющие, издавались месопотамскими правителями на протяжении всей дальнейшей истории древней Месопотамии. По-шумерски они назывались *ama-gi* («возвращение к матери», т.е. «возвращение к началу», «возвращение в первоначальное состояние»), а по-аккадски – *andurāgum* («освобождение»), а также *mīšarum* («исправление», «восстановление», «правда», «справедливость»). Согласно этим актам, долговые рабы получали свободу, аннулировались займы в рост, а проданные земли возвращались к прежним владельцам. Иногда устанавливались и другие виды «освобождения», например освобождение от уплаты пошлин.

Все эти акты имели общее официальное название «Установление справедливости» (точнее было бы сказать «восстановление») и издавались каждым царем при восшествии на престол, а затем, по мере надобности, раз в семь–десять лет. Все это очень похоже на библейские «юбилейные годы», с той лишь разницей, что библейские «юбилеи» происходили регулярно каждые семь лет. Еще раз отметим: поскольку надобность в восстановлении справедливости возникала снова и снова, эффективность этих указов была, следовательно, очень мала и в любом случае недолговечна. К тому же другие месопотамские бюрократы или во всяком случае сведущие люди начали изобретать хитроумные способы нейтрализации всех этих законодательных мероприятий. Например, при выдаче займа его оформляли как заем без роста (его называли «благодеяние», и такие займы не аннулировались), но в долговой расписке записывали сумму, на одну пятую большую, чем реально выданная, т.е., скажем, вместо реально полученных должником пяти денежных

---

³⁸ Возможно, однако, что речь идет о борьбе с чрезмерными расходами на погребение – феномене, имевшем широкое распространение в архаических обществах. О ранней Месопотамии см. Cohen 2005 и мою рецензию на эту книгу: ВДИ. 2009. № 3, 216–218.

³⁹ По поводу этого пункта дебаты продолжаются. Наиболее вероятным представляется толкование, согласно которому речь идет о запрете вдовам вступать в новый брак (т.е. о защите интересов детей от первого брака). Но есть и веские возражения.

единиц писали шесть (одна пятая – нормальный тогда размер роста для денежных займов, а для займов натурой – одна треть). Эти ухищрения были скоро замечены и запрещены под страхом сурового наказания, но попробуй, докажи... Однако среди сохранившихся долговых расписок «без роста» имеется подозрительно много сумм, кратных шести, т.е. почти наверняка подложных.

Все древние общества вели отчаянную борьбу с величайшим общественным злом – долговой кабалой. Все они в этой борьбе потерпели сокрушительное поражение, кроме античных полисов Греции и Италии, которым удалось-таки долговую кабалу запретить. К числу тех, кому это не удалось, принадлежит и Месопотамия. Но необходимость постоянного переписывания «Указов о справедливости» с учетом сохранения их основных принципов и необходимость откликаться на злобу дня позволили месопотамским бюрократам-правоведам создать первые на земле (во всяком случае первые из дошедших до нас) законодательные системы⁴⁰. Их трудно сравнивать с вышеупомянутыми «Указами», ибо последних до нас дошло по понятным причинам очень мало: их действие ограничивалось небольшим сроком, а потому и копий этих текстов существовало с самого начала немного, да и те сильно повреждены. Мы располагаем лишь тремя плохо сохранившимися экземплярами трех «Указов», относящихся к Старовавилонскому периоду⁴¹. По своему содержанию они совпадают лишь частично, из чего следует сделать вывод, что «Указы» откликаются как на перманентные проблемы общества и экономических отношений, так и на конкретную злобу дня (например, в связи с накопившимися недоимками по платежам в пользу государства). Можно полагать, что государственная бюрократия при подготовке очередных «Восстановлений справедливости» все глубже вникала в беспокоящие государство проблемы и одновременно отработывала юридические формулы для документов и законов. Форма документов и употребляемый при их составлении словарь терминов все больше стандартизируются, что, между прочим, помогает современным исследователям (и, вероятно, помогало древним писцам) понимать во многих случаях содержание даже и поврежденных документов. Но, пожалуй, самым крупным достижением месопотамской (да и вообще древней) бюрократии было изобретение и совершенствование законов.

БЮРОКРАТЫ И КУЛЬТУРА

I

Необходимо иметь в виду, что мы не можем определенно указать рубеж, отделяющий вожжество (или вообще догосударственный период) от государства, да такого рубежа почти никогда и не было, переход был, как правило, постепенным и занимал длительный период времени. В качестве некоей условной границы можно указать лишь возникновение законодательства, поскольку выше было уже отмечено, что появление писаного права, заменяющего или дополняющего обычай, можно рассматривать в некотором смысле как конституцию новорожденного государства⁴².

⁴⁰ См. A History 2003.

⁴¹ Эдикт царя Самсуилуны (седьмой царь I Вавилонской династии, 1749–1712 гг. до н.э.): Kraus 1984, 152–157; эдикт царя Абиэшуа (восьмой царь I Вавилонской династии, 1711–1684 гг. до н.э.): Kraus 1984, 160–163; эдикт царя Аммицадуки (десятый царь I Вавилонской династии, 1646–1626 гг. до н.э.): Kraus 1984, 168–163.

⁴² Проблемам возникновения государства и законодательства посвящены следующие работы автора данной статьи: Якобсон 1989; 1997; Jakobson 1993.

Государство, т.е. совершенно новый тип организации общества, должно рассматриваться как человеческое изобретение, сделанное, как и все предшествующие, методом проб и ошибок, ощупью, подобно другим великим изобретениям, которые превратили в свое время некую популяцию гоминидов в общества людей: изготовление каменных орудий, керамики, использование огня, ткачество. Это изобретение, как и все последующие, начиная с письменности, заимствовалось другими обществами, почему мы и предлагаем делить государства древности на первичные (возникшие в результате внутреннего развития) и вторичные (возникшие не только в результате внутреннего развития, но и в результате заимствования идеи государства у соседей). Это разделение не является оценочным (т.е., к сведению «антинорманистов», не подразумевает «второсортности» вторичного государства), но важно в методологическом отношении: вторичные государства ничуть не хуже первичных, но имеют свои особенности, которые, как уже сказано выше, необходимо учитывать. Необходимо также учитывать, что государство, как человеческое изобретение, есть явление культуры и потому неизбежно противостоит общине, которая есть прямое продолжение стаи, т.е. явление природы (социологам следовало бы учитывать эти различия). Примерно так же социальные различия (культура) противостоят отношениям физического доминирования (природа) и берут верх над ними (т.е. власть достается не самому сильному, а самому популярному, самому харизматичному или имеющему особые права), а брак и парная семья (со всеми относящимися сюда обычаями и законами, т.е. культурой) берут верх над такими же отношениями в области размножения.

Можно было бы привести еще много примеров, но, обобщив их, следует отметить, что во всех подобных случаях речь идет о конфликтах между культурой с ее писаными и неписаными правилами поведения и природой с ее инстинктами. С самого начала человечества люди были озабочены этой проблемой (если даже еще не умели ее сформулировать), а в государстве, где социальные различия становятся еще более наглядными, несогласованность инстинктов, интересов и моральных норм внушает менеджменту общества еще большее беспокойство. Выход, как уже отмечено выше и что я хотел бы еще раз подчеркнуть, был найден в формулировании и наделении принудительной силой некоего минимального и не допускающего никаких кривотолков (создатели первых законов, конечно, и не подозревали, что кривотолками будут промышлять сами законники) набора правил общежития. При этом необходимо помнить, что с течением времени изменялись сами представления о человеческой личности, об индивидуальности и ее взаимоотношениях с родом, племенем и государством, о вине и ответственности. Выработка представления о человеческой личности была очень медленной и заняла основную часть того времени, которое мы именуем древностью.

Понятие об индивидуальной вине и индивидуальной ответственности, столь привычное и естественное для нас сегодня, первоначально отсутствовало, поскольку отсутствовало само понятие индивидуальности, и человек рассматривался как неотъемлемая составная часть рода и племени. Из такого представления и проистекает обычай кровной мести: первоначально исходят из того, что преступление наносит ущерб всему роду, всему племени пострадавшего, и ответственность за него лежит на всем роде и всем племени того, кто был непосредственным действующим лицом. И совершить месть может и должен любой член пострадавшего рода или племени, а направлена эта месть может быть на любого представителя рода или племени, к которому принадлежит виновный, но чем выше обществен-

ное положение этого представителя, тем лучше. В усложнившемся обществе, где представления о должном и недолжном спорны и неоднозначны, кровная месть может тянуться бесконечно долго – вплоть до взаимного истребления втянутых в нее родов или племен. Древние бюрократы-законники, опираясь на новые представления о личности, и вырабатывают это новое представление о вине, а затем и понятие индивидуальной вины и индивидуальной ответственности. Согласно этому новому понятию, отвечать за преступление должны прямые и косвенные виновники преступления, но не их родичи. Сама же ответственность должна быть соразмерна вине. Поэтому сначала вводится наказание в виде выкупа, т.е. материального возмещения, а затем – наказание по принципу талиона: «равным за равное» (библейское «око за око и зуб за зуб»). Такое наказание более всего соответствовало тогдашним представлениям о справедливости. И оно впервые в истории появляется, насколько можно судить по дошедшим до нас письменным памятникам, именно в месопотамском законодательстве. Очень возможно, что и это изобретение было позднее позаимствовано соседними культурами и в дальнейшем разошлось по всему свету.

В основе месопотамского законодательства лежали два очень важных понятия – *kittum* и *mīšarum*, которые обычно переводят как «правда» и «справедливость». В действительности первое из них означает «правильный мировой порядок», а второе – «выпрямление», «исправление» (нарушений этого порядка). Эти два понятия персонифицировались в виде божеств, состоящих в свите бога Шамаша – бога Солнца и правосудия, судии богов и людей. Соблюдение и неукоснительное исполнение *mīšarum* считалось первейшей обязанностью царя, неисполнение этой обязанности должно было навлечь погибель на него самого и на его страну. Именно этим термином и назывались те «Указы о (восстановлении) справедливости», о которых шла речь выше.

Что же касается среднеассирийских законов, то они, скорее всего, представляют собой ученую компиляцию, составленную в качестве пособия для судей (одна из табличек этого текста была найдена в башне крепостной стены Ашшура, где, вероятно, заседал суд). В отличие от Законов Хаммурапи эти законы систематизированы по главным субъектам правонарушения. Дошедшие до нас 14 табличек и фрагментов разной сохранности принято обозначать латинскими буквами от А до О. Датируются они XIV–XIII вв. до н.э., хотя сам текст, видимо, несколько старше. Своеобразие среднеассирийских законов состоит прежде всего в совершенно ином, чем в Законах Хаммурапи, принципе систематизации норм. Своеобразие этих законов состоит также и в очень широком применении публичных наказаний – порки и «царской работы», т.е. своего рода каторжных работ, а также крупных денежных штрафов. Такая система наказаний намного опережала свое время. С другой стороны, эти законы имели и архаические черты, например, в них предусматривалась выдача убийцы «хозяину дома», т.е. главе семьи убитого. «Хозяин дома» может поступить с убийцей по своему усмотрению: убить, превратить в раба или взять выкуп и отпустить. Такое смешение черт сравнительно высокого развития и архаики характерно для всего среднеассирийского общества. Ассирия была богатой страной с развитыми товарно-денежными отношениями. При этом была широко распространена долговая кабала с очень суровыми условиями: не выкупленный в срок заложник считался «купленным за полную цену». С ним можно было обращаться как с рабом, подвергать его телесным наказаниям и продать в другую страну. Вообще положение рабов было, видимо, более тяжким, чем в Вавилонии, хотя устанавливается весьма несложная процедура превращения рабыни-наложницы в

законную супругу и узаконения прижитых с нею детей. Существует «большая семья», и власть домовладыки над своими домочадцами, включая жену, практически неограниченна. Он может отдавать их в залог или продавать, подвергать телесным наказаниям и даже наносить им увечья. Прелюбодеяние, совершенное замужней женщиной, мог покарать смертью сам муж, как и покарать ее сообщника, если застал их на месте преступления. Если же дело решал суд, на прелюбодея налагалось такое же наказание, как то, которому пожелал подвергнуть неверную жену оскорбленный муж. Со своей согрешившей незамужней дочерью домовладыка мог поступить «как ему угодно». Юридически самостоятельной могла стать лишь женщина, чей муж умер, и у которой нет никаких близких родичей мужского пола, пусть даже малолетних. В противном случае она остается под их патриархальной властью. Замужняя женщина вне дома обязана была закрывать лицо покрывалом, в то время как вавилонянки лица не закрывали. Но рабыням и блудницам в Ассирии запрещалось носить покрывало под страхом тяжкого наказания, а всякий человек, узнавший о таком преступлении, обязан был донести об этом властям (недонесение сурово каралось). В ассирийском судопроизводстве широко применялись ордалия (испытание водой и клятва). Отказ от ордалии считался признанием вины. Налагаемые согласно среднеассирийским законам наказания чрезвычайно суровы и исходят, хотя и не столь последовательно, как Законы Хаммурапи, из принципа талиона.

Даже столь краткое знакомство всего с двумя законодательными текстами позволяет сделать вывод, что в месопотамии существовало несколько весьма сильных юридических школ. К сожалению, у нас нет пока возможности сравнивать месопотамские законы с какими-либо другими законами ближневосточной цивилизации за исключением хеттских законов (египетские законы, как уже отмечено выше, нам пока не известны, кроме очень поздних). Вопрос о возможном влиянии месопотамских законов на юридические школы более позднего времени и о степени этого влияния пока еще даже не ставился, хотя очень интересные и вполне очевидные сходства и даже совпадения (в том числе и текстуальные, например, с текстами Библии) заставляют об этом задуматься.

II

Именно на древнем Востоке впервые возникли все существующие до сих пор формы политической организации: гражданская община, государство и его основные типы (государство-город, территориальное государство, империя), формы правления (республика и монархия). Там же появились и существующие до сих пор формы общественного сознания, в том числе религиозные и философские учения.

Итак, цивилизации – это особые типы культуры значительных человеческих масс на значительных пространствах⁴³, возникшие при выходе из первобытности и существующие до сих пор. Каждая цивилизация охватывает собой многочисленные этносы и этнические общности, имеющие, как правило, разное происхождение и говорящие на разных языках, а также и многочисленные государства. Государства же эти охватывают на первых порах либо часть этноса, либо целый этнический и культурный регион (территориальное государство), либо являются полиэтничными с одним господствующим, но составляющим меньшинство

⁴³ Подробнее об этом см. литературу, указанную в прим. 1.

этносом (империя). Основной тип государства для ранней древности – номовое государство (город-государство). Оно охватывает территорию одной гражданской общины, состоящую из одного (реже двух–трех) городских центров и сельскохозяйственной округи. Городом мы будем называть населенный пункт со свободным населением, где осуществляется концентрация, перераспределение и реализация прибавочного продукта⁴⁴. Город, следовательно, появляется только вместе с цивилизацией и с государством. Прочие его функции (религиозный центр, культурный центр, административный центр, торгово-ремесленный центр) проистекают из названной выше основной функции. Номовое государство всегда имеет небольшие размеры и совпадает с гражданской общиной, хотя предшествующие государству союзы племен могут быть весьма обширными.

Новорожденное государство нуждается в непрерывном увеличении объема используемого для его нужд прибавочного продукта. Между тем после резкого первоначального скачка производительности труда благодаря освоению ирригационного земледелия, производительность труда в дальнейшем почти не растет вплоть до I тыс. до н.э., когда было освоено производство железа. Более того, она снижается из-за истощения и засоления орошаемых земель (Египет и здесь – исключение). Увеличивать поборы с трудового населения тоже оказывается невозможным, ибо оно и так получает лишь необходимый физиологический минимум средств существования. Наиболее простым и «естественным» выходом из положения является отнятие накопленного прибавочного продукта у соседнего города-государства, а также захват рабов – своего рода «концентрата» прибавочного продукта. Это можно осуществить только с помощью войны, и поэтому войны, которые ранее были лишь эпизодическими, становятся постоянным фактором жизни древнего общества, а вокруг городов появляются оборонительные стены. Можно даже сказать, что войны стали еще одним видом хозяйственной деятельности. Более надежным способом увеличения абсолютного объема прибавочного продукта является расширение территории государства и соответственно увеличение количества населения. Это достигается насильственным объединением нескольких (или многих) родственных по культуре и языку общин (номовых государств). Не следует упускать из виду в качестве побудительной причины завоевательных войн также и честолюбие правителей. Таким образом (а не из-за предполагавшейся ранее потребности в централизации оросительных систем) возникает территориальное государство. Был еще и третий способ увеличения объема прибавочного продукта – контроль над международной торговлей посредством контроля над торговыми путями и торговыми городами. Это, разумеется, тоже предполагало войну.

Попытки создания территориальных государств начинаются еще в III тыс. до н.э., но сразу же встречают упорное сопротивление со стороны городов-государств. Ведь каждое из таких номовых государств имело одинаковые права и основания стать метрополией и лишь силой удерживалось на положении провинции. Поэтому существование территориальных государств в III–II тыс. до н.э. – скорее исключение, чем правило. Особый случай – Древний Египет. Здесь особые географические условия (Египет представлял собой узенькую полосу обитаемой земли по берегам огромной реки, открывавшей путь через всю страну, а какие-либо естественные границы между общинами отсутствовали) очень рано привели к созданию мощного территориального государства в масштабе всей Нильской долины. Альтернативой этому было бы взаимное истребление первоначальных

---

⁴⁴ См. Большаков, Якобсон 1983.

номовых общин. С этим объяснением согласны далеко не все египтологи, но нелишне напомнить, что ослабление центральной власти и в Египте немедленно приводило к распаду государства на отдельные номы – почти всегда те же самые, т.е. номы оказываются прочнее централизованного государства. Следовательно, они и здесь «естественнее» и старше государства. Столь раннее появление этого сильно централизованного территориального государства (фактически – прыжок из первобытнообщинного строя: на это обстоятельство обратил мое внимание А.О. Большаков) было причиной ряда весьма своеобразных явлений в египетской культуре и в ментальности египтян (у народов других первичных цивилизаций этот путь занял тысячелетия, и они успели привыкнуть).

В I тыс. до н.э. начинаются попытки объединить все три способа увеличения прибавочного продукта, поступающего в распоряжение государства и его правящей верхушки. Так создаются государства, выходящие далеко за пределы одного этнокультурного региона, объединяющие в своем составе множество этносов, находящихся нередко на различных ступенях общественного развития. Это империи или мировые державы⁴⁵. Составные части таких держав должны в идеале экономически дополнять друг друга, а имперский мир обеспечивает безопасность и устойчивость экономических связей. Империи, конечно, складываются стихийно, а внутренняя прочность их зависит от того, насколько удачно подобрались их составные части и насколько сильны внешние враги. Империя может, разумеется, погибнуть от внешнего нападения, но внутренний ее распад неизбежно начинается тогда, когда более или менее выравнивается уровень экономического и культурного развития ее составных частей. Тогда эти составные части из партнеров становятся соперниками, а правящая элита на местах перестает нуждаться в поддержке со стороны имперского центра, не хочет больше эту поддержку оплачивать и восстает против него. Имперские же власти без местной элиты обойтись не могут: во-первых, в метрополии просто не хватит дельных людей (т.е. способных бюрократов) для управления обширной империей, а во-вторых, «местные» всегда лучше разбираются в тонкостях менталитета и взаимоотношений между соплеменниками. Поэтому местную элиту стараются приручить, но рано или поздно она осознает свою унижительную «второсортность», особенно сильно – тогда, когда неизбежно и основательно приобщается к культуре метрополии (британские университеты воспитали индийских политических деятелей, которые и повели борьбу за независимость Индии). Местная элита рано или поздно начинает понимать, что она сама в состоянии управлять своим народом и будет делать это лучше, и что ей незачем делиться доходами с метрополией. Из империй древности такой «естественной смертью» умерла только Римская империя, разделившаяся на две части. От латинского слова *imperium* («верховная власть», «владычество») вошло в европейскую культуру это наименование таких государств, хотя первые из них возникли намного раньше. Следует иметь в виду, что глава империи не обязательно носит императорский или иной монархический титул: в первой половине XX в. еще существовала Французская империя, глава которой был президентом Французской республики, а короли Англии носили императорский титул лишь в Индии.

Империи древности имели довольно сложную административную структуру. Они состояли из метрополии, т.е. территории того народа, который создал империю, и где находилась центральная администрация, а также провинций или областей, непосредственно подчиненных центральной администрации. Кроме этого, обычно

⁴⁵ См. Дьяконов, Якобсон 1982, 3–16. См. также Дьяконов 2009.

по окраинам империи располагались вассальные области (царства), где продолжали существовать традиционные местные органы власти. Эти области могли входить в состав провинций и фактически подчиняться наместникам провинций либо сохранять формальную самостоятельность, но находиться под контролем наместника ближайшей провинции. Империя обеспечивала своим провинциям и вассалам имперский мир, свободу торговли на огромных территориях и защиту от «варварской» периферии. Культура метрополии, если империя существовала достаточно долго, а ее правители вели разумную культурную политику, постепенно распространялась на всю имперскую территорию, образуя местные варианты этой культуры и обеспечивая, таким образом, определенную степень культурного единства. Имперские власти, как правило, вполне лояльно относились к местным религиозным культам, во всяком случае до победы догматических религий, для которых характерна религиозная нетерпимость; от имени имперских властей совершались жертвоприношения в местных храмах. Все это до поры до времени поддерживало известную заинтересованность населения в сохранении империи. И все это в принципе могло создать еще один вариант финала: если в империи успела образоваться единая культура с общим языком, охватывающая значительное большинство населения (насильственно сделать это, разумеется, невозможно), империя превращается в очень большое национальное государство.

Этому в мировой истории есть тоже всего один пример – Китай (поздняя Византия, потеряв все свои владения за пределами грекоязычной Малой Азии, тоже стала национальным государством, но уже не очень большим, хотя и продолжала по традиции именоваться империей). В Китае большое национальное государство сложилось еще во времена Старшей Хань (т.е. на рубеже нашей эры), и с тех пор Китай тоже продолжал именоваться империей тоже лишь по традиции. Именно благодаря такому переходу Китай – единственное в истории государство, существующее практически непрерывно почти три тысячелетия и сохранявшее в краткие периоды распада отчетливое сознание культурной и языковой общности. Разумеется, в Китае и теперь есть национальные меньшинства, и численность некоторых из них равна населению европейского государства средних размеров. Но даже все вместе эти меньшинства составляют лишь небольшую часть китайского народа. Все вышесказанное не отменяет простой, но часто игнорируемой истины: именно в империи, в государстве, где один народ властвует над многими, впервые в человеческой истории возникает национальная рознь, вызываемая на одном полюсе чванством и жестокостью победителей, а на другом – комплексом неполноценности и жадной мести у побежденных. Почти все империи (за исключением китайской) погибли именно из-за внутренних неурядиц, а вторжения извне, если они имели место, лишь сокращали агонию.

Ассирийская империя была первой в истории человечества империей. И развалилась она не по вине своей бюрократии. Бюрократия как раз справлялась со своей работой очень хорошо. В имперский период она состояла из двух видов грамотеев: традиционных знатоков клинописи, писавших на глиняных табличках, и арамейских писцов, пользовавшихся алфавитным письмом на папирусе или пергаменте (они изображены на ассирийских рельефах со свитками в руках). От первых до нас дошли грандиозные архивы, издание которых еще далеко от завершения, а в любой момент могут быть обнаружены новые клинописные тексты в непредсказуемом количестве. От вторых, по понятным причинам, не осталось, если говорить о древней Месопотамии, практически ничего, кроме нескольких очень интересных литературных текстов, найденных в Египте, и мы не в состоянии даже приблизительно

оценить размеры утрат. Ведь арамейский язык в более поздние времена долго был повседневным языком и *lingua franca* для многих народов на огромной территории от Средиземного моря до Индии, а одно время даже и до Китая. Именно на этом языке дошел до нас чрезвычайно интересный литературный памятник – поэма о братоубийственной войне между ассирийским царем (правильнее было бы сказать – императором) Ашшурбанапалом и его братом Шамашшумукином, вассальным царем Вавилонии⁴⁶. Этот текст, написанный на арамейском языке египетским демотическим письмом (а это очень непросто) – одно из лучших доказательств международных связей грамотеев разных стран. Но в самой Ассирии арамейский язык в важных официальных текстах употреблялся, видимо, редко⁴⁷, а царские надписи из Ассирии на арамейском языке вообще неизвестны. Арамейский язык, подобно латыни, так и не смог (или не успел) стать связующим звеном для возникновения в Передней Азии единого этноса, хотя на этой колоссальной территории его знал, вероятно, любой образованный человек, и для различных народов он был *lingua franca*. Может быть, именно поэтому гибель Ассирийской империи и, в частности, очень быстрое падение ее главных городов – Ашшура и Ниневии – с их многочисленным населением и мощными укреплениями выглядит загадочно. Можно предложить лишь самые общие объяснения.

Политическая жизнь в Месопотамии постоянно осложнялась очень непростыми отношениями между царями и древними священными городами⁴⁸, т.е. между государством и общиной (см. выше). В общем и целом можно сказать, что благополучно царствовали и умирали своей смертью те цари, которые умели ладить с городскими общинами. Те же, которые этого не умели или не хотели, кончали плохо, и иной раз – вместе со своими царствами. Бюрократы (все образованные люди были бюрократами или жрецами) пытались вразумлять царей, но, похоже, безуспешно⁴⁹.

Первая в истории человечества империя, как и все последующие, складывалась стихийно, но ее составные части с самого начала оказались плохо совместимыми, а давление на ее границы извне – слишком сильным, не давшим ей даже стабилизироваться. По всем этим причинам не успели возникнуть прочные экономические связи, общая культура, общий язык и общее для всего ее населения сознание принадлежности к великой империи, то самое сознание, которое даже после распада единой Римской империи на Восточную и Западную и после утраты Восточной (Византийской) империей всех ее владений за пределами Западной Малой Азии заставляло грекоязычных византийцев по-прежнему называть себя «ромеями», т.е. римлянами. Похоже, что удивительно быстро павшие могучие ассирийские крепости, овладение которыми при нормальных обстоятельствах потребовало бы минимум трех или даже пяти-семи лет осады, просто некому было защищать. По тем же самым причинам недолго просуществовала и преемница Ассирийской империи – Вавилонская империя: Вавилон был взят персами без боя. Но Месопотамия продолжала оставаться важнейшей в экономическом (если и не всегда в политическом) отношении частью всех последующих ближневосточных империй от Персидской империи Ахеменидов до Турецкой, т.е. от Древности до Нового

---

⁴⁶ Steiner, Nims 1985, 73.

⁴⁷ До нас дошло клинописное письмо с выговором чиновнику, написавшему письмо к царю на арамейском языке. См. SAA XVII. 2003, 5.

⁴⁸ См. Якобсон 1989а, 17–37, с библиографией.

⁴⁹ Reiner 1982, 319–326.

времени включительно. Победа догматических религий (христианства и ислама) наряду с возникновением национальных государств сделала возникновение здесь культурного единства очень маловероятным.

А вот китайской бюрократии удалось даже создать религию, одержавшую в Китае полную победу. Чисто светскую поначалу философию Конфуция они превратили в очень своеобразную и очень терпимую религию – конфуцианство, и сами стали ее жрецами. В любой древней культуре имело место соперничество между родовой знатью, жречеством и служилой знатью (т.е. бюрократией). В Китае никогда не было влиятельного жречества, и совершенно мудрые мужи заполнили эту «вакансию». Удвоив таким образом свои силы и соответственно влияние, они затем упразднили родовую, да и наследственную служилую аристократию, заменив их меритократией, т.е., опять-таки, людьми из своих рядов. Все наследственные титулы были уничтожены, и даже сыновья императора должны были сдавать экзамены и начинать службу с самого начала. И только в Китае совершенномудрый муж обладал таким авторитетом, что мог прочитать нотацию самому Сыну Неба, и тот почти всегда смиренно ее выслушивал и даже принимал к сведению. Китайская культура обладает, сверх того, уникальной способностью «переваривать» другие культуры. Даже если в Китае возникала иноэтничная императорская династия (монгольская, киданьская, манчжурская), уже через два–три поколения эти императоры оказывались образцовыми китайцами: воспитателями наследников престола всегда были совершенномудрые мужи-конфуцианцы. Китайская культура – создание бюрократов со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. Неудивительно поэтому, что единственную в последнее время подробную монографию о древней бюрократии написал китаист⁵⁰. Как видно из приведенной ниже сноски, это – лишь начало работы. Жаль только, что упомянутая выше книга (ожидается, очевидно, и продолжение) очень уж безжалостна по отношению к тем несчастным, которые не знают ни китайского языка, ни китайской письменности.

III

Итак, цивилизация – это занимающая очень большую территорию совокупность однотипных культур, возникших при выходе из первобытности вокруг одного или нескольких первоначальных центров. Цивилизация объединяет множество различных этносов (они могут быть даже неродственными) и имеет свои отличительные признаки, являющиеся важнейшими составными частями ее менталитета и характерные именно для нее и только для нее. В двух предшествующих фразах содержатся термины «цивилизация», «культура» и «этнос», которые разными авторами употребляются в самых различных смыслах, что, разумеется, в науке недопустимо, но почему-то никого не беспокоит. Первые два термина употребляются то как синонимы, то в некотором, понятном только автору конкретном тексте, иерархическом порядке без каких-либо объяснений («моя страна – цивилизация, а прочие – всего только культуры, да и то не все»). До сих пор со времен Шпенглера еще имеет хождение (особенно среди неспециалистов, но, к сожалению, не только среди них) представление о предопределенном и одинаковом для всех культур сроке существования и одинаковых стадиях последнего. «Цивилизацией» последователи Шпенглера именуют последнюю, предшествующую гибели стадию существования культуры. Вопиющее несоответствие этих надуманных построений элементарным

⁵⁰ Рыбаков 2009.

фактам истории при этом игнорируется или обходится столь же искусственным делением «слишком долгих» культур (древней Месопотамии, Древнего Египта, Китая, Индии) на две–три «отдельные» культуры. Термин «этнос» (народ) тоже не имеет четкого и общепринятого содержания, отчего и возникают жаркие споры (с участием носителей ученых степеней), например, о том, составляют ли русские, украинцы и белорусы единый народ или три разных народа. Осмеливаюсь предложить на рассмотрение коллег свое понимание этих терминов.

Наиболее правильно было бы сказать, что культура есть все то, что отличает людей от животных, но правила логики запрещают отрицательные определения. Поэтому скажем, что культура – это присущая данному человеку или человеческому коллективу исторически сложившаяся совокупность духовных и материальных ценностей, а также способов создания, хранения и распространения этих ценностей. И наследуется она не через гены, а только через социализацию, через воспитание. Что бы ни кричали расисты и националисты, культура не имеет никакого отношения к «крови». Национальность человека определяется его принадлежностью к определенной культуре, а из составных частей этой культуры – прежде всего к языку. Необходимо также учитывать, что понятие «культура» – не оценочное, т.е. то, что является нормальным в одной культуре, может считаться некультурным (но имеющим место), предосудительным или даже преступным в другой (многоженство, рабовладение, ростовщичество, наркотики, кровная месть, пьянство, похищение женщин и многое другое). И еще, необходимо понимать, что культура подобна живому организму и поэтому не может не изменяться, она должна своевременно отказываться от устаревших ценностей и принимать новые, а для этого – не замыкаться в себе, постоянно поддерживать контакты (диалоги) с другими культурами. Культура, утратившая традицию, теряет самостоятельность и перестает существовать, культура, замкнувшаяся в себе, неизбежно впадает в латарию или в маразм (не знаю, что хуже). Но и неукоснительное соблюдение всей традиции привело бы к тому, что люди так и остались бы в раннем палеолите.

Культура – это неизбежные и бесконечные перемены, и различаются культуры прежде всего по стадиям развития. Но можно, видимо, отметить еще некоторые различия, интересные для историка. Применительно к древности можно, например, говорить о культурах интровертных (т.е. обращенных главным образом внутрь себя и почти не обращающих внимания на другие культуры) и культурах экстравертных, проявляющих активный интерес к «чужакам», даже и весьма отдаленным. Так, египтяне, в отличие от греков и финикийцев, почти не плавали по Средиземному морю, а китайцы не открыли Америку, хотя сделать это им было намного проще, чем испанцам (ходят слухи, что все-таки открыли, но однократный визит, даже если он и имел место, вряд ли следует считать открытием). Объясняется это, вероятно, существенными различиями в представлениях о мире и человечестве, а эти представления зависят от того, имеются ли поблизости другие столь же развитые культуры или только полупервобытные племена. В последнем случае возникает и крепко держится представление о себе как о единственной культуре или цивилизации (как бы это у них ни называлось) в мире, населенном варварами. Когда же выясняется, что это не так, менталитет уже сложился, и изменять его трудно и больно. Другим полезным способом классификации может быть разделение культур на культуры текстов и культуры правил. В первом из этих разделов культурно значимые тексты сохраняются неопределенно долго, даже тысячелетиями (дальневосточная цивилизация, цивилизация Южной Азии), а во втором из-за сравнительно частого изменения правил (эстетических принципов

и вкусов) тексты довольно быстро стареют и выходят из повседневного употребления (европейская цивилизация). Культуры первого раздела изменяются (развиваются) очень медленно, но почти не знают кризисов. Культуры второго раздела развиваются гораздо быстрее, но испытывают частые кризисы, которыми и являются перемены правил. В настоящее время почти все культуры мира стали или становятся культурами правил.

Что же касается понятия и термина «народ», то и здесь существует множество определений, где главные роли играют история, территория, генетика («кровь» – любимый довод шовинистов) и язык, на которых и строятся великодержавные и расистские спекуляции. Но все существующие и когда-либо существовавшие народы имеют смешанное происхождение, и все они являются пришельцами там, где теперь живут, а на одном языке могут говорить народы разных стран. Например, на немецком языке говорят немцы, австрийцы, швейцарцы немецкоязычных кантонов, и все они осознают себя отдельными народами. На английском языке говорят англичане и американцы – тоже разные народы, а переводы произведений американских писателей на немецкий язык в Германии обозначаются как «перевод с американского» (мой компьютер в этот момент запротестовал: в его словаре такого существительного нет...). Народ – это прежде всего самосознание, народ есть группа людей, сознающая себя таковым. Причины же, порождающие такое самосознание, могут быть весьма разнообразными, и мы даже сегодня можем наблюдать их действие. В России, например, о статусе народа подумывают казаки, поморы и крышены – православные татары, сохранившие татарский язык и многие черты татарской культуры. Но лучше обратимся к тем случаям, когда результаты уже налицо. Когда английские (со значительной примесью голландских и французских) колонисты в принадлежавшей тогда Англии части Северной Америки провозгласили себя в конце XVIII в. народом Соединенных Штатов Америки, реакция английских властей была вполне однозначной: нет никакого народа Соединенных Штатов, есть мятежные подданные Его Британского Величества, коих надлежит образумить посредством пушек и виселиц. Исход этих разногласий известен: Британскому Величеству пришлось-таки признать новый народ. А через несколько десятков лет и Испанскому и Португальскому Величествам пришлось признавать новые народы Центральной и Южной Америки.

Здесь, пожалуй, пора остановиться на толковании применяемых в этой статье терминов. Для краткости я буду пояснять свою позицию тезисно, сводя обоснования к минимуму.

1. Народ (этнос) есть группа людей, считающая себя таковым. Это означает, что объективных причин или признаков, позволяющих определить ситуацию «снаружи», кроме упомянутого выше самосознания, не существует. Причин, породивших это самосознание, как уже сказано выше, может быть много, и они могут быть разнообразны. Все эти причины порождаются историей и являются культурными и психологическими. Нация же – явление политическое, и потому нация может состоять из нескольких и даже многих этносов (британская нация, состоящая из англичан, шотландцев, валлийцев и ирландцев, российская и американская нации, состоящие из множества народов, и т.д.). Новый народ может возникнуть в результате деления народа-предшественника или в результате слияния двух или более таких предшественников. Любой из ныне существующих народов, как уже сказано, имеет смешанное происхождение, «чистокровных» народов не существует. Не существует также и «исторических прав» на какую-либо территорию, ибо все современные народы являются пришельцами там, где они теперь обитают. В наш

беспокойный век лучше всего придерживаться существующих границ, авось со временем поумнеем и научимся договариваться, а еще лучше – уничтожим любые проявления национализма.

2. Культура – это присущая данному народу исторически сложившаяся совокупность материальных и духовных ценностей, а также способов их создания, сохранения и распространения. Она является тем, что отличает человека от животного и передается не через гены, а посредством воспитания. Понятие «ценность» имеет здесь необязательно положительный оттенок, поскольку в культуре могут долго сохраняться ценности, давно уже устаревшие и ставшие или всегда бывшие предосудительными для других культур и даже для других носителей данной культуры.

3. Основа культуры (но не обязательно ее исключительная характеристика) – это язык, нередко включающий в себя несколько диалектов. Степень различия между диалектами может быть весьма существенной даже вплоть до непонимания устной речи (как в китайском языке, но есть и немецкие диалекты, почти непонятные для большинства немцев). Различие между языком и диалектом определяется опять-таки самосознанием, а не степенью сходства: различия между русским, украинским и белорусскими языками например, не больше, а меньше, чем различия между баварским или тирольским диалектами и литературным немецким. И в Баварии есть сегодня немало людей, считающих, что баварцы – отдельный народ, но их (пока?) меньшинство.

4. Цивилизация, как уже сказано выше, есть конгломерат однотипных культур, возникших при выходе из неолита вокруг одного или нескольких первоначальных городских центров. Этноты, входящие в цивилизацию, имеют различное происхождение и разные (в том числе и неродственные) языки, но поддерживают между собой тесные (хотя и далеко не всегда мирные) отношения. Цивилизации поначалу географически изолированы друг от друга – серьезно, но не абсолютно (кроме цивилизации Центральной и Южной Америки, чем и объясняются многие особенности этой цивилизации, не знавшей влияния извне). Вплотную, и при том с глубокой древности, соприкасались лишь европейская цивилизация и цивилизация Ближнего Востока, и происходило это в Восточном Средиземноморье. Результатами этих контактов были столь интересные и важные явления, как предэллинизм, эллинизм, христианство и Римская империя. О более ранних проявлениях этого (единственно настоящего) евразийства известно очень мало. Но, может быть, не случайно поразительное сходство архитектоники двух важнейших эпосов этих двух цивилизаций – аккадского «Гильгамеша» со всеми его вариантами и греческого эпоса о Троянской войне. Оба они построены по присущей только им схеме: Подвиги – Скитания – Возвращение. Хотелось бы надеяться, что кто-нибудь из наших молодых ученых займется исследованием этих ранних контактов (сам я для этого недостаточно экипирован). Существовали и до сих пор существуют следующие цивилизации: ближневосточная (Передняя Азия и Северная Африка), европейская, Центральной и Южной Азии, Восточной Азии, Черной Африки (Африка к югу от Сахары). Не дожили до наших времен цивилизации доарийской Индии и Центральной и Южной Америки.

Менталитет европейской цивилизации определяется прежде всего идеологией полиса, видимо, очень рано и независимо возникшей на Балканах и на Апеннинском полуострове и вытеснившей царскую власть: такое резкое обличение самого института царской власти, как речь Терсита в «Илиаде», нигде больше в древности не встречается, хотя Гомеру Терсит отвратителен, да и само имя Терсита означает «Наглец». Для южноазиатской цивилизации характерно нигде более не

встречающееся представление о дхарме, сансаре и карме. Для дальневосточной цивилизации – представление о совершенномудром муже, знающем и неуклонно исполняющем свой долг. Для характеристики двух последних цивилизаций можно еще добавить, что в них человек, его поведение в определенном смысле важнее богов, хотя боги, конечно признаются и там. Цивилизация Черной Африки сохранила многие весьма архаичные черты. Особый интерес, по понятным причинам, представляет для нас ближневосточная цивилизация.

Цивилизации и даже их первоначальные центры, как уже сказано, включают в себя многие отличающиеся друг от друга этносы и соответственно многие различающиеся друг от друга и даже не родственные языки. Поэтому и особенности, объединяющие этносы в единую цивилизацию, могут и даже должны быть различными для отдельных цивилизаций, а цивилизационная общность, в отличие от общности этнической и культурной, осознается, как правило, довольно смутно, особенно в древности и в средневековье. Но и в Новое и Новейшее время это не очень просто, поскольку главным отличительным признаком является такая трудно определяемая вещь, как менталитет. А он, в свою очередь, определяется многими историческими факторами, среди которых одним из важнейших является религия, несмотря даже на то, что в наше время роль религии уменьшается. О торжестве этических религий во времена поздней древности («Осевое время»⁵¹) известно всем, равно как всем известны существенные различия между этими религиями. Причины этих различий уходят, видимо, глубоко в раннюю древность, и мы пока еще не в состоянии сколько-нибудь внятно объяснить торжество именно этой религии, именно в этой цивилизации, например, почему именно в цивилизации Ближнего Востока возник и победил монотеизм, да еще во множестве разновидностей, а в других цивилизациях ничего подобного не произошло. Но некоторые детали этого процесса на Ближнем Востоке можно проследить, и они весьма интересны.

Как известно, именно здесь (и больше нигде) возникли представления о персонифицированном трансцендентном Добре и персонифицированном трансцендентном Зле, лежащие в основе трех таких религий, как (в хронологическом порядке) иудаизм, христианство и ислам. Но известны и возникшие там же такие религии, как зороастризм, манихейство и гностицизм, отличающиеся от перечисленных ранее лишь тем, что они сохранили ряд представлений, характерных для религий ранней древности наряду с заимствованиями (в двух последних) из эллинизма. Из всего этого следует, во-первых, что все вышеуказанные религии являются, по существу, дуалистическими (Ахура-мазда, добрый бог зороастрийцев, и их злой бог Андхра-манью являются даже братьями-близнецами) и могут называться монотеистическими лишь потому, что их приверженцы поклоняются только добрым богам и только их считают истинными и всесильными. А их противники считаются второстепенными и обречены на поражение. Конечная победа добра в этих учениях неизбежна, хотя и будет трудной и требует участия всех приверженцев добра. Прямым следствием таких представлений было возникновение эсхатологических представлений и соответствующей литературы – еще одной отличительной особенностью ближневосточной цивилизации. Возможно, что начало этих представлений относится к гораздо более древним временам, чем перечисленные выше религии. Злые боги, боги зла, и повествования о торжестве зла (временном) известны на Ближнем Востоке гораздо раньше, чем перечисленные выше религии.

---

⁵¹ Более подробно я писал об этом в: История Востока 1997, 578–587.

Это Сет в Египте и Эрра в Месопотамии. Обычно знаменитую «Поэму об Эрре»⁵² связывают с нашествием арамеев, и я сам в комментарии к своему переводу этой поэмы придерживался такой точки зрения. Это нашествие было, конечно, серьезным бедствием, но никаких сведений об ужасах, хотя бы отдаленно напоминающих те, что описаны в поэме, в дошедших до нас документах не встречается. И, может быть, не случайно египтологи так и не сумели привязать страшные рассказы о постигших Египет бедствиях («Пророчества Ноферти», «Речения Ипусера»⁵³ и др.) к каким-либо реальным событиям в египетской истории или хотя бы приблизительно эти рассказы датировать. Скорее всего, это и есть самые ранние эсхатологии, видения перевернутого, разрушенного мира, описываемые иной раз в очень похожих выражениях на аккадском и на египетском языках. Очень рано возникает также и специфический для древнего Ближнего Востока, нигде больше не встречающийся жанр теодицеи, т.е. обсуждение вопроса о том, почему вообще существует зло, и как благие боги это допускают. Этот литературный жанр тоже представлен только на древнем Ближнем Востоке. В Месопотамии (где мы можем довольно подробно проследить зарождение и развитие этой литературы) это «Вавилонская теодицея»⁵⁴, ее прямой предшественник – «Невинный страдалец»⁵⁵, его предшественники – так называемые «Письма к богам» (самые ранние – еще на шумерском) и своего рода «контртеодицея» – «Диалог Господина с Рабом»⁵⁶. Интересно, что все эти тексты кроме «Диалога» написаны от первого лица. В Библии – Книга Иова и Экклезиаст. «Диалог» и Экклезиаст разделяют 600–700 лет, а объединяет их едкий скепсис. Безымянный автор «Диалога» (этот жанр был широко распространен в литературе древней Месопотамии) гениально подобрал участников диалога. Раб, как известно, не может спорить со своим Господином, и он не спорит. Господин высказывает прямо противоположные намерения, и Раб каждый раз очень убедительно объясняет, почему именно так и надлежит поступить, т.е. показывает одинаковую бессмысленность любых поступков. А когда сбитый с толку господин спрашивает, как же все-таки надлежит поступить, Раб отвечает, что лучше всего – умереть. Господин в гневе заявляет, что сначала он убьет Раба, но тот объясняет, что не так уж важно, кто умрет первым. При этом Раб изъясняется пословицами, но на самом деле – как бы пословицами (во всяком случае их нет в дошедших до нас сборниках пословиц). Иначе говоря, он пародирует расхожую мудрость, с помощью которой можно доказать все, что угодно. Заодно он пародирует и тогдашнюю классическую литературу – знаменитое место из «Поэмы о Гильгамеше», где воспевается великий и вечный город Урук, – и объясняет, что нет вечных городов, и после смерти нет различия между злодеем и благодетелем. Так что еще более знаменитое Экклезиастово «Суета сует, все – суета» оказывается как бы (а может быть, и на самом деле) откликом на «Диалог Господина с Рабом». В Египте теодицеями являются «Беседа Разочарованного со своим *ка*», «Песнь ар-

---

⁵² Перевод мой см. Я открою тебе 1981, 98–120. Эрра (этимология этого имени неизвестна) – бог чумы и всяческих бедствий, творящий зло просто от скуки.

⁵³ Эти тексты переводились на русский язык неоднократно. Им посвящено множество исследований, но их смысл и значение остаются неясными.

⁵⁴ Перевод И.С. Ключкова см. Я открою тебе 1981, 235–241.

⁵⁵ Мой комментированный перевод этого обширного и сравнительно хорошо сохранившегося текста опубликован в: Письменные памятники Востока. 2009. 2 (11), 66–79.

⁵⁶ Перевод мой, но тогда я еще не очень понимал смысл этого текста, см. Я открою тебе 1981, 204–208.

фиста» и «Красноречивый крестьянин»⁵⁷. Обломок подобного же текста на аккадском языке дошел до нас из Угарита. Особенно интересно, что существуют почти буквально совпадающие отрывки из «Поэмы о Гильгамеше» (в старовавилонской версии), Экклезиаста и «Песни арфиста» – своеобразная проповедь гедонизма, а он, как известно, всегда живет рядом со скепсисом. Все перечисленное означает, что происходил не только обмен идеями, но даже и текстами. И похоже, что основным посредником здесь был аккадский язык. Особенно интересен в этом плане уже упомянутый выше текст на арамейском языке (нельзя исключить того, что он переведен с аккадского), написанный египетским демотическим письмом, найденный в Египте и повествующий о братоубийственной войне между ассирийским царем Ашшурбанапалом и его братом Шамашшумукином. Пожалуй, лучшего свидетельства широких культурных связей и почти невероятной эрудиции ближневосточных грамотеев не требуется. Но напомним еще, что аккадский был международным языком на Ближнем Востоке и что клинописные тексты на этом языке, особенно юридические и деловые документы, но также и литературные тексты были распространены здесь очень широко – от Египта (амарнский архив) до Малой Азии (архивы Хеттского царства). Существовал, например, хеттский вариант «Поэмы о Гильгамеше», но до нас дошли только его фрагменты, так что мы не знаем (пока?), насколько он совпадает с оригиналом.

Клинопись использовалась также для ряда других языков, и каждый писец, независимо от того, на каком языке он этой клинописью писал, обязательно знал (изучал в школе, где бывал жестоко порот за недостаток усердия или способностей) и аккадский, и шумерский язык. Поэтому нет причин удивляться поразительному сходству не просто мифологических сюжетов, но и мелких деталей в рассказе о Потопе в текстах из Месопотамии (аккадские «Поэма о Гильгамеше» и «Сказание об Атрахасисе») и из Палестины (Gen. 6:5–8:22). Хотя сам по себе миф о Потопе относится к мифологическим универсалиям, т.е. встречается у многих народов мира, в нашем случае полное совпадение мелких, необязательных деталей несомненно указывает на общий источник. Многочисленные словесные совпадения свидетельствуют о том, что в устном и письменном фольклоре существовали речения, ходившие по всему Ближнему Востоку и попадавшие в письменные тексты, из которых до нас дошла лишь небольшая часть – в основном те, которые переписывались особенно часто.

Главными хранителями и распространителями всей этой премудрости были грамотеи-бюрократы различных рангов, образовавшие в каждом государстве нечто вроде особого сословия, не зафиксированного, однако, ни законом, ни обычаем, и скрепленного только особым менталитетом. Этот менталитет нашел свое выражение в особом «внутреннем» фольклоре, не предназначенном и непонятном для непосвященных (т.е. неграмотных или всего только элементарно грамотных), поскольку требовал глубоких познаний. Частично он дошел до нас, и мы можем увидеть, что шумерский и египетский писец в почти одинаковых словах распекают своих непутевых сыновей-школяров за лень и разгильдяйство и объясняют им преимущества своей благородной профессии, а учителя этих школяров просто порют. Есть и очень своеобразная шумерская притча о жреце богини врачевания Гулы, который затеял посетить в Ниппуре вылеченного им пациента. В этом священном городе все жители изъясняются только по-шумерски (это, разумеется, лите-

---

⁵⁷ Все упомянутые здесь египетские тексты неоднократно переводились на русский язык.

ратурная условность), и когда он спрашивает, как найти такого-то, ему и отвечают по-шумерски (этот язык уже вышел тогда из бытового употребления). Но пришелец этого языка не понимает, вследствие чего горожане вынуждены переходить на понятный этому неучу (а еще жрец!) простонародный аккадский. В конце концов (текст, как всегда, поврежден на самом интересном месте) ниппурские школяры пинками выпроваживают невежду за городские ворота. В тексте специально отмечено, что он сочинен для школяров, очевидно, им в назидание⁵⁸.

Но, как уже сказано выше, главной особенностью ближневосточной цивилизации является монотеизм, и теперь следует коротко рассказать о его истоках, о ранних проявлениях тенденции к монотеизму.

Одно из таких проявлений общеизвестно. Это – знаменитая неудавшаяся реформа Эхнатона в Египте. О ней нынешние авторы всегда пишут как о некоей странности, чудачестве, называют Эхнатона «еретиком», «отступником». Эти анахронические эпитеты здесь совершенно не уместны хотя бы потому, что религии ранней древности не были догматическими, и по этой причине в них не могло быть ересей. В Месопотамии такой реформы не было, но следует внимательнее присмотреться к культу бога Ашшура. Он имеет ряд весьма интересных особенностей.

Неизвестна этимология имени Ашшур, несмотря на многие попытки ее выяснить. Неизвестна его «должность» или функция. Считается, что у него не было изображения, а только символы. У него не было семьи – ни родителей, ни супруги (до I тыс.), ни детей (лишь в последние века Ассирии он стал именоваться «отцом богов» – одним из эпитетов древнего верховного бога Эллиля). Его храм в Ашшуре назывался Эшарра (все храмы во всей Месопотамии имели шумерские имена), т.е. Храм вселенной или Храм мироздания (или что-то в этом роде). В этом же храме обитали, что уникально, и прочие боги, а находившееся там же собственное святилище Ашшура называлось Эхурсагалькуркурра, т.е. Храм великой лесистой горы всех стран – здесь на Ашшуре перенесен еще один эпитет Эллиля (Великая гора). Наконец, в отличие от других великих богов храм у Ашшура был только один, хотя однажды была предпринята попытка построить второй: царь Тукульти-Нинурта I (XIII в. до н.э.) первым из ассирийских царей решил построить себе новую резиденцию – Кар-Тукульти-Нинурта с храмом Ашшура. Может быть, именно поэтому этот царь был объявлен безумным и убит, а город был заброшен. А при Саргонидях была переписана знаменитая вавилонская поэма о сотворении мира *Энума элиш* («Когда вверху...»), и Ашшур занял в ней место Мардука в качестве царя богов и творца Вселенной. А кроме того, ему, как уже сказано, стали приписывать многие атрибуты Эллиля, верховного божества. Известно также, что во время коронационного обряда полагалось кричать «Ашшур – царь, такой-то (коронуемый) – наместник Ашшура». Наконец, ассириологам хорошо известно, что имя «Ашшур» пишется в клинописных текстах многими разными способами, что опять-таки уникально для имен богов. И поскольку это имя может означать бога, страну или город, при нем должны быть написаны соответствующие детерминативы, но это правило очень часто и бессистемно нарушалось, особенно в ранней Ассирии⁵⁹. В целом можно сказать, что многое в образе бога Ашшура и его культе вызывает библейские коннотации. К этому можно добавить, что нечто похожее можно найти и у других месопотамских богов. Существует текст, датированный VI в. до н.э., где

⁵⁸ См. Афанасьева 1997, 339–340.

⁵⁹ Galter 1996, 127–141.

все великие боги описаны как ипостаси или аватары бога Мардука⁶⁰. Наконец, отмечены любопытные перемены в культе бога Ану, тоже в поздний период⁶¹. Все перечисленные выше работы, как видно даже из заглавий, не упоминают о монотеизме. Но есть и затрагивающая эту проблему работа⁶² С. Парполы, хотя она посвящена почти исключительно философии, а не истории религии (у этого автора есть и другие подобные работы, например, о параллелях между ассирийскими религиозными представлениями и каббалой).

Для полноты картины, чтобы показать, что движение к монотеизму действительно охватило весь древний Ближний Восток, необходимо вспомнить о древней Сирии и Финикии. Освальд Лоретц посвятил этой проблеме обширную статью⁶³, в которой показал, что это явление имело место также и в Передней Азии и что в древности понятие «единобожие» первоначально не вполне совпадало по своему смыслу с более поздним богословским термином и даже со смыслом в разных местах Библии. Указанная работа содержит также весьма обширную библиографию, которая не слишком сильно увеличилась за прошедшее с тех пор время.

В заключение этого раздела я хотел бы заметить, что хотя сама идея о возможных движениях к монотеизму на древнем Ближнем Востоке не нова, я попытался рассмотреть это движение в более широком аспекте – именно как характерное для ближневосточной цивилизации в целом и возникшее трудами тогдашних грамотеев несмотря на различия в языках.

IV

Таковы в очень кратком изложении основные данные о роли бюрократии в древности. Я постарался показать важность этой темы и наметить ее основные теоретические аспекты. Бюрократия – это все-таки не ругательное слово, а одно из важнейших изобретений древности наряду с другими нематериальными, но определившими собой всю дальнейшую историю изобретениями – письменностью, торговлей, глобализацией, деньгами, государством, законами, литературой и многим другим. Все эти изобретения годятся для самого разнообразного применения, в том числе и для вредоносного, злого, и такими они остаются по сей день. Такова уж их природа: топор (одно из самых древних человеческих изобретений) всегда мог и по сей день может быть (1) инструментом дровосека, плотника или кораблестроителя, (2) оружием воина или разбойника и (3) орудием мясника или палача. А история нередко перепутывала и продолжает путать эти порядковые номера, равно как и порядковые номера функций других человеческих изобретений, ставя на первое место наиболее актуальную или просто наиболее заметную в тот или иной период функцию. Тем более это верно для изобретений, перечисленных в этой работе, их нередко употребляли и до сих пор употребляют во зло, но без них развитие человечества остановилось бы в палеолите. История многих из них в ее начальной стадии до сих пор остается мало или плохо понятной⁶⁴. Именно поэтому все они заслуживают пристального внимания историка, особенно такого, который исходит из существования исторических закономерностей и старается эти закономерности выявить и понять. Теперь, правда, среди историков стало немодно

⁶⁰ Lambert 1975, 191–200.

⁶¹ Oelsner 1994, 489–493.

⁶² Parpola 2000, 165–209.

⁶³ Loretz 1995, 215–304.

⁶⁴ Особенно это относится к истории денег. См. Ratzel 1995.

заглядывать в другие области истории и вообще интересоваться ее теоретическими проблемами, и это – большая беда для нашей науки. Мое эссе и сам выбор именно этого жанра вызваны желанием сделать мою аргументацию доступной также и исследователям других отраслей древней истории. Отсюда же и повторы: я старался быть понятным, зная на собственном опыте, как трудно ориентироваться в «чужой епархии». Давайте же читать работы друг друга, и постараемся писать так, чтобы нас понимали не только ближайшие коллеги. И будем спорить. Как известно, другого способа породить истину не существует.

Литература

- Альтернативные пути 1995: Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум / Н.Н. Крадин, В.А. Лынша (ред.). Владивосток.
- Архаическое общество 1991: Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Сборник научных трудов. Ч. 1–2. М.
- Афанасьева В.К.* 1997: От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб.
- Блок М.* 1986: Апология истории или ремесло историка. М.
- Богданов И.В.* 2009: Египетская бюрократическая терминология на печатях // ВДИ. 3.
- Большаков О.Г., Якобсон В.А.* 1983: Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л.
- Дандамаев М.А.* 1983: Вавилонские писцы. М.
- Дьяконов И.М.* 1952: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // ВДИ. 3, 197–303; 4, 205–320.
- Дьяконов И.М.* 2009: История Мидии / С.Р. Тохтасьев, В.А. Якобсон (ред.). СПб.
- Дьяконов И.М., Якобсон В.А.* 1982: «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // ВДИ. 2, 3–16.
- Зайцев А.И.* 1985: Культурный переворот в Древней Греции VII–V вв. до н.э. Л.
- История Востока 1997: История Востока. Т. 1. М.
- История древнего Востока 2004: История древнего Востока. Т. 2. М.
- История древнего мира 1989: История древнего мира. Ранняя древность. 3-е изд. исп. и доп. / И.М. Дьяконов (ред.). М.
- Кычанов Е.И.* 1986: Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М.
- Периханян А.Г.* 1983: Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.
- Рыбаков В.М.* 1999–2008: Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). СПб.
- Рыбаков В.М.* 2009: Танская бюрократия. Ч. 1. Генезис и структура. СПб.
- Свое чужое 2007: Свое чужое. Поэзия востоковедов / М.А. Родионов, М.Н. Суворов (сост.). СПб.
- Фролов Э.Д.* 1988: Рождение греческого полиса. Л.
- Циркин Ю.Б.* 2005: Финикийское письмо: проблема происхождения. // *Эдубба* вечна и постоянна. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения И.М. Дьяконова. СПб.
- Шарпен Д.* 2009: Чтение и письмо в Вавилонии. М.
- Якобсон В.А.* 1989: Государство и социальная психология // ВДИ. 4.
- Якобсон В.А.* 1989а: Цари и города в древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М.
- Якобсон В.А.* 1997: Государство как социальная организация (теоретические проблемы) // Восток. 1.
- Якобсон В.А.* 2004: Предисловие // История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М.
- Якобсон В.А.* 2009: Проблемы периодизации древней истории // ВДИ. 3.
- Я открою тебе 1981: Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии / В.К. Афанасьева, И.М. Дьяконов (сост. и ред.). М.
- Algaze G.* 1903: The Uruk World System: The Dynamics of Expansion of Early Mesopotamian Civilization. Chicago.
- Bauer J.* 1972: Fruehsumerische Wirtschaftstexte aus Lagasch (Studia Pohl. 9). Rome.
- Charpin D.* 2008: Lire et écrire à Babylone. Presses Universitaires de France.
- Cohen A.C.* 2005: Death Rituals, Ideology and the Development of Early Mesopotamian Kingship // Ancient Magic and Divination. Leiden–Boston.

- Dossin G.* 1972: *Le madarum* dans les «Archives royales de Mari» // RAI. 18. München.
- The Early State 2004: *The Early State, its Alternatives and Analogues* / L.E. Grinin, R.L. Carneiro, D.M. Bondarenko, N.N. Kradin, A.V. Korotayev (eds.). Volgograd.
- Edzard D.O.* 2004: *Geschichte Mesopotamiens. Von den Sumerern bis zu Alexander dem Grossen.* München.
- Englund R.K.* 1998: *Texts from the Late Uruk Period // Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen. 1* / P. Attinger, M. Waefler (Hrsg.) (Orbis Biblicus et Orientalis. 160/161). Freiburg–Schweiz–Göttingen.
- Galter H.D.* 1996: *Gott, König, Vaterland. Orthographisches zu Aššur in alassyrischer Zeit // WZKM.* 86. 127–141.
- A History 2003: *A History of Ancient Near Eastern Law. Handbuch der Orientalistik / R. Westbrook* (Hrsg.). 1. Abt. Bd 72/1–2. Leiden.
- Jakobson V.A.* 1993: *Ethics and Law in Ancient Mesopotamia* (Shulmu. 4). Poznan.
- Kraus F.R.* 1984: *Königliche Verfüegungen in altbabylonischer Zeit.* (Studia et documenta ad jura orientis antiqui pertinentia. 11). Leiden.
- Lambert W.G.* 1975: *The Historical Development of the Mesopotamian Pantheon: A Study of Sophisticated Polytheism // Unity and Diversity* / H. Goedicke, I.I.M. Robcris (eds.). Baltimore–London.
- Loretz O.* 1995: *Die Einzigkeit Jahwes (Dtn 6, 4) in Licht des ugaritischen Baal-mythos. Das Argumentationsmodell des altsyrisch-kanaanäischen und biblischen «Monotheismus» // Von Alter Orient Zum Alten Testament / M. Dietrich und O. Loretz* (Hrsg.). Neukirchen Vluyn, 215–304.
- Mittelmayer C.* 2009: *Annemera und der Herr von Arata. Ein ungleicher Wettstreit* (Orbis Biblicus et Orientalis. 239). Göttingen.
- Nissen H.J.* 1995: *Kulturelle und politische Vernetzungen in Vorderen Orient des 4. und 3. vorchristlichen Jahrtausends.* / U. Finkbeiner, R. Dittmann, H. Hauptmann (Hrsg.). Beiträge zur Kulturgeschichte Vorderasiens. Festschrift für R.V. Boehmer. Mainz.
- Oelsner J.* 1994: *Henotheistische Tendenzen in der spätbabylonischen Religion? Gnosisforschung und Religionsgeschichte* / H. Preißler, H. Seiwert (Hrsg.). Marburg.
- Parpola S.* 2000: *Monotheism in Ancient Assyria // One God or Many? Concepts of Divinity in the Ancient World* / B.N. Porter (ed.). Maine.
- Ratzel G.* 1995: *Annäherungen aus ökonomischer, soziologischer und historischer Sicht* / W. Schelkle, M. Nitsch (eds.). Marburg.
- Reiner E.* 1982: *The Babylonian Fuertenspiegel in Practice // Societies and Languages of the Ancient Near East* (Studies in Honour of I.M. Diakonoff). Warminster.
- Renger J.* 1994: *Noch einmal: was war der «Kodex» Hammurapi – ein erlassener Gesetz oder ein Rechtsbuch? // Rechtskodifizierung und soziale Normen im interkulturellen Vergleich / H.-J. Gehrke* (Hrsg.). Tübingen.
- Roth M.T.* 1995: *Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor // Writings from Ancient World Society of Biblical Literature / P. Michalowski* (ed.). Vol. 6. Atlanta (Georgia).
- Schmandt-Besserat D.* 1992: *Before Writing. Vol. I–II.* Austin.
- Selz G.J.* 2005: *Sumerer und Akkader. Geschichte – Gesellschaft – Kultur.* München.
- Steible H.* 1982: *Die altsumerischen Bau- und Weihurkunden. Teil I: Inschriften aus Lagasch* (FAOS. 5/1). Wiesbaden.
- Steiner R.C., Nims C.F.* 1985: *Ashurbanipal and Shamash-Shum-ukin. A Tale of Two Brothers from the Aramaic Text in Demotic Script / Revue Biblique.* 92.
- Wilcke C.* 2007: *Early Ancient Near Eastern Law. A History of its Beginnings. The Early Dynastic and Sargonic Periods.* Eisenbrauns. Winona Lake (Indiana).

AN INTRODUCTION TO THE HISTORY OF BUREAUCRACY

V.A. Jakobson

The paper presents an attempt to clarify the terminology used by historians in a vast variety of senses. The author puts forward a set of axioms and suggests a new approach to some historical phenomena and processes. He tries to get over the limits of narrow specialisation characteristic of the present day historiography.